

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ
и
Искусство“.

Съ доставк. и перес. на
годъ 7 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—30 к. со
стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонимыхъ, считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1902 г. VI годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 Января.

СОДЕРЖАНИЕ: Монополизированіе пьесъ.—
† Ник. Ник. Соловцовъ. — Мысли о театрѣ С.
Сутуринъ. — Музыкально-историческая лите-
ратура М. Молотова. — Незамѣтные труженики
К—го. — Хроника театра и искусства. — Письма
въ редакцію. — Стихо-твореніе Н. Гриневской. —
Музыкальныя замѣтки Н. Ки—скаго. — Москов-
скія письма П. Ярцева. — Театральныя замѣтки А.
К—см. — Свистопляска (прод.) М. Любимова. —
Харьковскія письм. Л. Тивридова. — Провинціаль-
ная лѣтоспись. — Объявленія.

№ 3.

Рисунки и портреты: Танцующая вак-
ханка (скульптура Зегера), «Дѣти Ванюшина»
въ театрѣ Корша (рис. Ф. Визовского). Возобно-
вленіе «Псковитянки» (3 рис. А. Любимова и
С. Панова), «Христіанинъ» (2 рис. А. Любимова),
Церемониальное шествіе (шаржъ А. Любимова).

Портреты: А. П. Крутиковой (2), К. Н.
Богданова-Невскаго, Л. А. Мея, г-жи Редеръ.
Приложеніе: «Вѣрочка», этюдъ въ г. д.
Рыбикова.

Открыта подписка на 1902 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

52 №№ журнала, 20 пьесъ, 12 вып. Библіотеки,
12 нотн. приложень, выпуски Словаря сценическихъ
дѣятелей.

ГОДЪ (съ 1 января) 7 РУБ.

ПОЛГОДА 4 РУБ.

Разсрочка: при подпискѣ—3 руб.; 1 апрѣля—2 руб.;
1 июля—2 руб.

Подписка въ разсрочку принимается **исключительно** въ
главной конторѣ журнала, Моховая, 45.

Съ 1902 г. мы открываемъ новый отдѣлъ „Совѣтовъ“
для нашихъ подписчиковъ по разнымъ техническимъ вопросамъ
театра и театральнымъ постановкамъ. Отдѣлъ будетъ находиться
въ завѣдываніи бывшаго режиссера театра Н. Н. Соловцова
и Василеостровскаго театра въ Петербургѣ Я. И. Шмитова.
„Совѣты“, помѣщаемые 1—2 въ мѣсяцъ, будутъ заключать
отвѣты на всякаго рода вопросы, указанія, справки и т. п.

Контора журнала проситъ книжные ма-
газины и подписчиковъ, по ошибкѣ приславшихъ
за годовой экземпляръ журнала шесть рублей
вмѣсто семи, дослать одинъ рубль. Съ недо-
сланнаго рубля книжные магазины могутъ удерж-
жать въ свою пользу 5 коп.

С.-Петербургъ, 13 Января 1902 г.

Провинціальный театръ сильно страдаетъ отъ ску-
дости репертуара и отъ трудности идти, такъ ска-
зать, „въ ногу“, по части новинокъ, со столичными
театрами. Причинъ этому много, и главная изъ нихъ,
конечно, практикуемое цензурою разрѣшеніе пьесъ
для однихъ столичныхъ театровъ. Но надвигается
еще горьшая бѣда для провинціального театра, въ
сравненіи съ которою гастроли Императорскихъ акте-
ровъ, вызывавшія столько нареканій на первомъ
Сѣздѣ сценическихъ дѣятелей, являются сущимъ
вздоромъ. Это—монополія пьесъ. Будущее принад-
лежитъ не гастролѣмъ „знаменитостей“, среди кото-
рыхъ, въ дѣйствительности, такъ мало дарованій,
заслуживающихъ особеннаго вниманія и способныхъ
вызвать продолжительный интересъ публики. Буду-
щее—за „гастролями“, если можно выразиться, пьесъ.
Сборы дѣлаютъ пьесы, во-первыхъ, а актеры—во-
вторыхъ.

Съ той поры, какъ это перемѣщеніе центра тя-
жести обнаружилось съ совершенною ясностью, пред-
приниматели и устроители, авторы и гастролеры,
стали прилагать всяческія усилія къ тому, чтобы
по возможности, монополизировать ходкія пьесы.
Цензурныя ограниченія встрѣтили въ нихъ, какъ
это ни странно, тайныхъ доброжелателей, такъ какъ
облегчали возможность, путемъ испрашиванія раз-
рѣшеній для каждаго раза особо, удержать пьесу
въ частныхъ рукахъ устроителей или гастролеровъ.

Затѣмъ возникъ другой способъ монополизирова-
нія пьесъ—выходъ автора изъ состава „Общества
драматическихъ писателей“. Первый этому примѣръ
показалъ авторъ пресловутаго „Измаила“, г. Буха-
ринъ, за нимъ послѣдовали правопріемники графа
Алексѣя Толстого. Наиболѣе характерная попытка
въ этомъ направленіи была сдѣлана на-дняхъ однимъ

предпринчивымъ импрессарио, предложившимъ автору самой ходкой пьесы этого сезона „Дѣти Ванюшина“, г. Найденову, котораго авторскія права защищаются Театральнымъ Обществомъ, отдать пьесу въ исключительное пользованіе по 1-е іюня для гастрольной поѣздки. Г. Найденовъ, самъ бывший провинціальный актеръ, хорошо знающій, какъ говорятъ хохлы, „почемъ фунтъ лиха“, отклонилъ эту комбинацію. Не всякій авторъ, однако, найдетъ въ себѣ мужество отказаться отъ соблазнительнаго предложенія, и такъ какъ труденъ только первый шагъ, то достаточно одного прецедента въ данномъ направленіи, чтобы окончательно стѣснить бѣдный провинціальный театръ, отдавъ его на съѣденіе канитану, предпринчивости и аппетитамъ ловкихъ импрессарио.

Тенденція такова, что страшиться этого нужно ежечасно, и слѣдуетъ заранее принять или, по крайней мѣрѣ, обсудить мѣры, которыми можно предотвратить отъ провинціального театра грозящее ему бѣдствіе.

Изъятіе пьесъ изъ общаго пользованія, помимо цензурныхъ ограниченій, возможно только путемъ выбитія изъ числа членовъ Общества драматическихъ писателей или Театральнаго Общества. Выгодно ли такое выбитіе для означенныхъ Обществъ? Разумѣется, нѣтъ. Въ моральномъ отношеніи безразлично ли для нихъ? Опять-таки нѣтъ. Такимъ образомъ провинціальный театръ долженъ находить естественную поддержку въ этихъ Обществахъ, такъ какъ общіе интересы ихъ въ данномъ случаѣ совершенно совпадаютъ.

Запретить членамъ выходить ни то, ни другое Общество, понятно, не можетъ. Но Общества имѣютъ право вновь не принимать въ свою среду членовъ, которые оставили ихъ, находя защиту авторскихъ правъ недостаточной и подрывая какъ доходность Обществъ, такъ и существующее къ нимъ довѣріе, наконецъ, доказывая своимъ выходомъ свою независимость и самостоятельность. Г. Бухаринъ, покинувъ, вышелъ изъ Общества драматическихъ писателей, но для него должны остаться двери закрытыми и на будущее время, если не навсегда, то на извѣстный срокъ. Иначе положеніе Общества становится какимъ-то двусмысленнымъ и недостойнымъ: отъ него отрекаются при успѣхѣ, — къ нему приходятъ, когда солнце закатилось.

Если подобное дополненіе устава кажется намъ вполне приличествующимъ Обществу драматическихъ писателей, то оно *приветливо* обязательно для Театральнаго Общества, девять десятыхъ членовъ котораго принадлежать къ дѣятелямъ того провинціального театра, который можетъ доканать монополизированіе пьесъ, пользующихся успѣхомъ. Театральное Общество не можетъ, не должно вновь принимать на себя охрану авторскихъ правъ тѣхъ лицъ, которыя выйдутъ изъ него для того, чтобы стѣснить свободное обращеніе пьесы. Мы не пишемъ сейчасъ проекта правилъ, но принципиально едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Театральное Общество не должно оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ попытокъ задушить провинціальный театръ всякими вольными и невольными ограниченіями репертуара. Сила Театральнаго Общества—есть союзъ русскихъ актеровъ; его безсиліе—есть оторванность отъ обширной семьи русскаго актерства.

Мы не говоримъ уже о томъ, что театръ въ провинціи выполняетъ культурнѣйшую миссію; что онъ есть орудіе общественнаго развитія и прогресса; что, стѣсняя обращеніе своихъ пьесъ, авторы берутъ на душу тяжелый грѣхъ, скрывая отъ тысячъ зрителей тѣ чувства и идеи, которыя они считаютъ наилуч-

шими. Вопросъ репертуара есть главнѣйшій вопросъ, который долженъ интересовать русскихъ театраль-ныхъ дѣятелей. Лучше заранее приготовиться къ отпору, чѣмъ, выслушавъ крики и стоны обездоленныхъ провинціальныхъ актеровъ, придти на помощь поздними мѣрами. Опасность зрѣтъ; она чувствуется въ воздухѣ; и долѣй Театральнаго Общества теперь же высанить положеніе, которое оно займетъ, въ дѣлѣ защиты авторскихъ правъ, противъ монополистовъ репертуара.

† Ник. Ник. Соловцовъ.

Въ пятницу въ Петербургѣ распространился слухъ о смерти Н. Н. Соловцова. Какіе-то шутники сообщали о смерти Соловцова въ московскія газеты, откуда съ быстротой молніи вѣсть передалась въ Петербургъ. Говорили о томъ, что роковыя неожиданности какъ будто свойственны соловцовской труппѣ. Неожиданно умеръ Чужбинъ, еще неожиданно пещезъ Рощинъ, и пр.

Слухи оказались къ несчастію только преждевременными. Въ субботу около 5 час. была получена телеграмма съ сообщеніемъ, что Н. Н. Соловцовъ скончался 11-го вечера.

Сообщаемъ нѣкоторые біографическія свѣдѣнія о Н. Н. Соловцовѣ, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя были приведены въ № 1. по случаю 25-лѣтія сценической дѣятельности Н. Н. Соловцова, по фамиліи Федоровъ, принадлежалъ къ старинному дворянскому роду Орловской губерніи. Братъ Н. Н. былъ предѣлитель земской управы. Н. Н. былъ женатъ на извѣстной артисткѣ М. М. Глѣбовой. Покойному было не болѣе 45—46 лѣтъ.

О болѣзни Н. Н. Соловцова читаемъ въ одесскихъ газетахъ отъ 8 января: „въ состояніи здоровья Н. Н. Соловцова за послѣдніе два дня наступило ухудшеніе. Врачами признана довольно тяжелая форма брюшного тифа. Вчера больной чувствовалъ себя крайне слабымъ. Его посетилъ профессоръ К. Г. Тритшель, который согласился съ мнѣніемъ пользующихъ Н. Н. врачей. Идуть кризиса. Въ обществѣ Н. Н. Соловцова болѣть около трехъ недель. 20 декабря онъ прибылъ въ Одессу и почувствовалъ себя слегка нездоровымъ. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней г. Соловцовъ не выходилъ изъ дому, а 23 пошелъ въ театръ. На другой день Н. Н. Соловцовъ предполагалъ выѣхать въ Кіевъ, чтобы провести праздники въ кругу своихъ родныхъ и играть въ своемъ театрѣ, гдѣ былъ назначенъ спектакль съ его участіемъ, но почувствовалъ себя настолько плохо, что долженъ былъ лечь въ постель. Врачи сначала признали инфлюэнцу, а посетившій больного проф. Остроумовъ нашелъ здоровье его не внушающимъ оптимизма. Но 2 января врачи обнаружили брюшной тифъ. Теперь же полагаютъ, что тифъ начался еще 20 декабря. Вчера днемъ и вечеромъ состоялся консилиумъ при участіи проф. Тритшеля и 3 мѣстныхъ врачей. Положеніе больного признано очень серьезнымъ. Вѣдѣніе большой потери крови при кишечныхъ кровоизліяніяхъ, у больного ослабило дѣятельность сердца. Вчера вечеромъ Н. Н. Соловцовъ сдѣлалось лучше, и профессоръ Тритшель заявилъ роднымъ его, что, хотя положеніе очень серьезное, все же слѣдуетъ надѣяться на благоприятный исходъ.“

Послѣдніе бюллетени были еще болѣе неутѣшительные: больному давали кислородъ, и изрѣдка онъ приходилъ въ сознаніе. Бредилъ онъ, какъ намъ пишутъ, все время одесскимъ театромъ. Н. Н. Соловцовъ всегда страдалъ сердечными припадками.

Совѣтъ Р. Г. О. постановилъ привѣтствовать адресомъ Н. Н. Соловцова по случаю празднованія имъ двадцатипятилѣтія сценической дѣятельности и десятилѣтней непрерывной антрепризы въ г. Кіевѣ. Послѣдній фактъ, чтили не первый въ провинціальной театральнѣй хроникѣ.

Въ воскресенье въ 3 часа для назначена панихида по Н. Н. Соловцову въ церкви Императорскаго Театральнаго училища. Въ московскомъ бюро будетъ отслужена панихида также въ воскресенье.

Самымъ тяжелымъ и внезапнымъ утратой, чтобы найти достойныя выраженія. Высшая пропія смерти выразилась въ томъ, что Соловцовъ умеръ на слѣдующій день послѣ предполагаемаго юбилея.

Отъ редакціи „Театра и Искусства“ послана телеграмма съ просьбою возложить вѣнокъ на гробъ усопшаго. Такая же телеграмма послана труппою театра Литературно-Художественнаго Общества.

Мысли о театрѣ.

I.

Бъ самаго слова «театръ» уже исходитъ поэзія: таинственная, для многихъ прятая, какъ бы отблескъ вакхическихъ торжествъ, отъ которыхъ онъ беретъ свое начало. Тѣ происходили ночью, въ лѣсу — въ честь бога Діониса (Вакха) — на таинственныхъ крутизнахъ горъ.

Что театръ съумѣлъ окружить себя поэтическимъ ореоломъ и его сохранить — большая заслуга его и большой козырь въ его рукахъ. Ибо поэтическое есть то, что всего больше манитъ людей, какъ самое желанное и сулящее всего больше глубокихъ чувствъ и нѣжныхъ радостей.

До настоящаго времени человѣчествомъ накоплена такая огромная масса красоты и поэзіи, высокихъ чувствъ и идей — искусствами, литературой, музыкой, скульптурой, живописью — что, если бы мы могли насладиться ими въ полной мѣрѣ, то захлебнулись бы отъ наслажденія и радости. А между тѣмъ мы часто жалуемся и страдаемъ отъ недостатка красоты. Умѣнье пользоваться существующей красотой, быть можетъ, важнѣе, чѣмъ созданіе новой, еще важнѣе — разрѣшеніе вопроса, какимъ образомъ сдѣлать такъ, чтобы искусство (бою употребить выраженіе «принесло пользу») доходило по адресу того, кому оно всего больше требуется.

Задача сложная, трудная. Она не разрѣшается, собственно говоря, въ полной мѣрѣ и тогда, когда достигнута конечная цѣль, которую ставило себѣ до сихъ поръ искусство: когда оно заражало зрителя, читателя, слушателя своимъ настроеніемъ. Важна еще степень «зараженія» и всего больше родъ его. М. Горькій часто употребляетъ выраженіе: такое-то

впечатленіе *затѣвало* извѣстныя чувства, но *его не поднимало* и потому будило только досаду. И если искусству удастся или удавалось бы *поднимать* тѣ чувства, къ которымъ оно стремится, тогда, конечно, оно стало бы по силѣ равно жизни, ибо и сама жизнь большаго не можетъ сдѣлать, какъ поднять, т. е. заставить дѣйствовать, дать исходъ чувству. Да ему большаго и не требуется, только это ему и

нужно. Это и есть — жизнь. Но, вѣроятно, практическіе предѣлы вліянія искусства значительно уже, и это только идеалъ, степень приближенія къ которому измѣряется значеніе и развитіе искусства.

По многимъ причинамъ театръ является самымъ усовершенствованнымъ приборомъ въ этомъ смыслѣ.

Человѣкъ всего больше страдаетъ тогда, когда онъ видитъ несправедливость своихъ страданій, поступковъ близкихъ людей, распредѣленія счастья. Что самымъ тяжелымъ и всего больше причиняющимъ боль элементомъ страданія является мысль о несправедливости, протестъ противъ нея — удивительно описа-

Танцующая вакханка.
(Скульптура Зегера).

но въ «Смерти Ивана Ильича». Предсмертныя его страданія перестали его терзать, когда онъ съ ними *примирился*.

Съ другой стороны для поддержанія жизнелюбности, нерва жизнелюбности жизни всего важнѣе вѣра въ существованіе счастья вообще. Всего лучше, конечно, поддерживаетъ такую вѣру личное участіе въ немъ, хотя бы и малое. Но чрезвычайно важна и одна вѣра въ него, сама по себѣ.

Въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. въ потребности справедливости и вѣры въ счастье театръ оказываетъ зрителю иногда прямое, гораздо часто косвенное содѣйствіе.

Удовлетворяя первому чувству, бульварныя драмы просто наказываютъ пороки и вознаграждаютъ до-

бродягъ. Литературные авторы, правда, такъ не поступаютъ, но уже одно отношеніе авторовъ къ своимъ героямъ—почти всегда сочувственное добродѣтельнымъ и порицающее порочныхъ—даетъ зрителю известное удовлетвореніе въ этомъ смыслѣ: отъ сознанія одинаковости его чувствъ и чувствъ автора.

Интересно слѣдующее обстоятельство: самый любимый, самый занимательный герой сцены—Гамлетъ—къ которому, кстати сказать, не установилось еще до сихъ поръ опредѣленнаго отношенія въ литературѣ и театрѣ—этотъ герой страдаетъ какъ разъ только отъ сознанія несправедливости... чего? Устройства общества? Людскихъ отношеній? Или несоответствія его понятія о справедливости съ тѣмъ, что бываетъ въ жизни? Или оттого, что несправедливости жизни, возмущая разумъ его въ достаточной степени, не способна выволновать его чувства до той мѣры, когда слѣдуетъ поступить, т. е. опустить такіе ихъ «задѣвательства», но не «поднимать»,—во всякомъ случаѣ не поднимаетъ ихъ до требуемой степени? Удовлетворенію той-же потребности въ справедливости служить такъ называемая «мораль».—Самое слово «мораль» звучитъ теперь недружелюбно, отъ него вѣетъ гнетомъ и какой-то темной фальшью. И это потому, что какъ бы ни была свѣтла мораль, т. е. то или другое нравственное ученіе—книжники и фарисеи всегда стремятся слѣзть изъ него орудіе гнета, и съ этой цѣлью окружить его мракомъ. Слишкомъ великъ соблазнъ, слишкомъ пріятно самолюбію явиться въ роли учителя, не говоря о другихъ выгодахъ этого положенія. Но сцена въ данномъ случаѣ—какъ арена полниговъ морали—представляетъ, слава Богу, доктринерамъ тѣмъ непреодолимую преграду, что существеннымъ условіемъ успѣха на ней является *дѣйствіе, дѣло* въ противоположность *слову*. Ну, да, на сценѣ преимущественно *говорятъ*; и потому предыдущая фраза можетъ показаться противорѣчіемъ, но это только на первый взглядъ. Потому что слово есть дѣло тогда, когда оно искреннее. И именно сцена всего болѣе чувствительно раздѣляетъ слова-дѣло отъ словъ-словъ, т. е. пустыхъ, или безцѣльно сказанныхъ, или идущихъ изъ фальшивыхъ мотивовъ.

И такъ какъ на сценѣ причины дѣйствій являются зрителямъ въ полной своей наготѣ, то тамъ фальшивая мораль всего меньше имѣетъ успѣха. Было-бы, вѣроятно, крайне интересно поэтому прослѣдить, какого рода мораль проповѣдуется со сцены и какъ она измѣняется подъ влияніемъ взглядовъ самого общества на справедливость. Во всякомъ случаѣ, сцена является самой передовой ареной въ этомъ смыслѣ, передовой въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, ибо то, съ чѣмъ не можетъ еще согласиться прямолинейный, доктринерскій и вмѣстѣ съ тѣмъ лукавый умъ («умъ—подлецъ» по выраженію Дмитрія Карамазова), то легко воспринимаетъ сердце, чувства, на которыя непосредственно дѣйствуютъ сцена, потому что и на ней преимущественно изображаются чувства и вызываемы ими дѣйствія. «Недоросль», «Форе отъ ума» и «Ревизоръ»—по существу своему самыя смѣлыя для своего времени литературныя произведенія, могутъ служить этому подтвержденіемъ.

Вслѣдствіе того, что на ней господствуютъ чувства, употребляю даже болѣе рѣзкое слово—страсти—сцена одна является *прибѣжищемъ* для выраженія истинныхъ потребностей человѣка, для опредѣленія коихъ даже такіе слова, какъ свобода, любовь и проч. являются, можетъ быть, уже доктринерскими. *Всякое* опредѣленіе словомъ является доктринер-

ствомъ. «Настроеніе»—завладѣвающее мало-по-малу сценой—является, можетъ быть, тѣмъ языкомъ, которымъ могутъ «говорить» между собой души людей—«говорить» такъ, какъ это имъ требуется, чтобы становилось понятно именно то, что важно, и чтобы не оскорбляли они другъ друга, какъ это слишкомъ часто бываетъ при разговорѣ—примитивнымъ орудіемъ сообщенія—словами. Настроеніе тоньше, деликатнѣе и имѣетъ меньше перхотатостей—оно можетъ поэтому лучше *передать* чувства и глубже *проникнуть* въ сердце. То, чего не удастся добиться годами безконечныхъ разговоровъ—взаимнаго пониманія—часто достается однимъ *моментами соответственнаго настроенія*. Возвращаясь къ морали—хочется указать, что именно со сцены, въ то время когда о ничтожествѣ никому и не шло въ еще—раздались слова: «справа хорошо, а счастье лучше»; сцена осудила то, что «свѣтитъ, да не грѣетъ»; съ другой стороны, сцена первая указала на «Тартюфа»; даѣе, всегда болѣе «сценической» фигурой считается несправедливо обиженный—все равно кѣмъ—людьми, природой или случаемъ, причемъ «сценичность», «эффектность» вырастаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше сочувствія встрѣчаетъ герой въ окружающей его средѣ, т. е., чѣмъ онъ болѣе одинокъ и потому дѣйствительно несчастенъ, и въ сочувствіи всего болѣе нуждается. И вмѣстѣ съ тѣмъ, сцена не терпитъ «морали»—искусственной, фальшивой, морали жестокосердой, когда необходимымъ послѣдствіемъ одобренія одной стороны служитъ осужденіе другой, тоже страдающей. Въ особенности-же ярко выступаетъ на сценѣ несимпатичность «морали» самой по себѣ, той морали, мотивомъ которой является не желаніе помочь ближнему, а желаніе его осудить, желаніе выставить свое превосходство надъ нимъ, что всего легче слѣзть подъ предлогомъ защиты «морали».

Весь ходъ спектакля, вся драматичность дѣйствія является въ нѣкоторомъ отношеніи судебной борьбой справедливостей, и сердце зрителя—высшій судъ—всего болѣе страдающій, волнуемый въ моменты самыхъ сильныхъ колебаній справедливости. Вмѣстѣ съ тѣмъ сердце болѣе всего восхитено въ эти моменты, т. е. именно тогда, когда страсти обнаруживаются всего сильнѣе, глубже, трагичнѣе. Тогда онѣ и болѣе правдивы—и слѣдовательно, справедливость можетъ быть удовлетворена наиболѣе полно.

Справедливость... это не такъ просто. Много есть родовъ справедливости, ибо есть много родовъ обязанностей: обязанности по отношенію къ самому себѣ, затѣмъ по отношенію къ своей семьѣ, къ государству и т. д.; есть затѣмъ справедливость гражданская, психологическая, биологическая и проч.—чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ болѣе родовъ справедливостей, а разные ихъ роды часто враждуютъ между собой, находятся во взаимномъ противорѣчій.

Приходится выбирать между той и другой справедливостью. Выборъ этотъ не легокъ, но изъ сознанія разнаго достоинства справедливостей возникло выраженіе—*высшая* справедливость. Въ душѣ человѣка живо стремленіе къ этой *высшей* справедливости. Поэзія и въ особенности драма въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ всегда именно къ ней и стремилась, причемъ «прекрасное», «красота» служило имъ путеводной звѣздой. Самая высокая красота, какъ и стремленіе къ высшей справедливости, находится въ глубинахъ души человѣческой—туда поэтою старались проникать за поисками ея величайшіе сердца и умы человѣчества.

С. Сутугинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Музыкально-историческая литература.

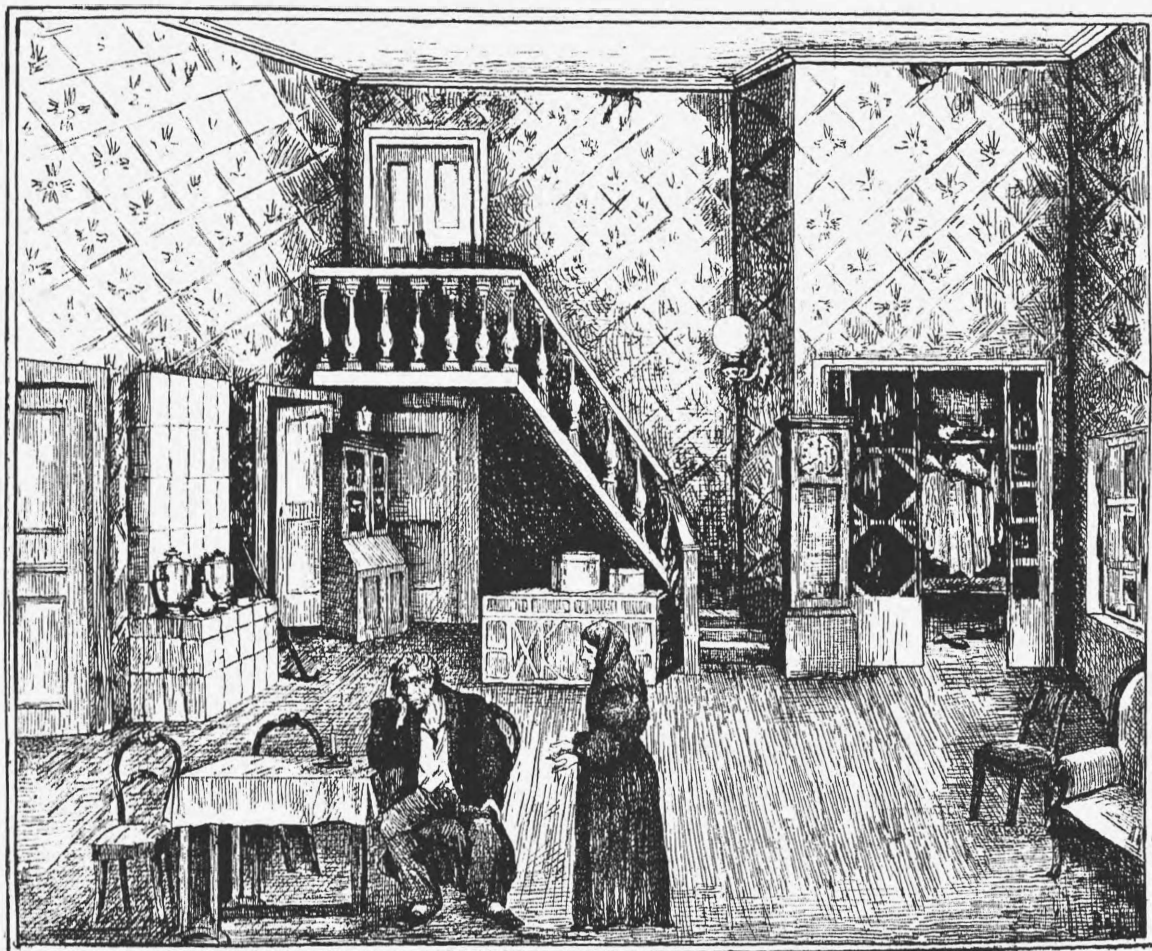
(Биографія П. И. Чайковского).

I.

Братъ покойнаго композитора П. И. Чайковскаго, драматургъ М. И. Чайковскій, составилъ обширную его биографію, уже вышедшую въ свѣтъ въ доброй своей половинѣ. Биографія будетъ въ 3-хъ большихъ томахъ, страницъ по 500 каждый. Какъ биографія, она написана плохо. Я, впрочемъ,

вершенно безцѣльныхъ подробностей, мимолетныхъ впечатлѣній, которыя или не уясняютъ личности покойнаго композитора или повторяютъ одно и тоже десятки разъ. Книга загромождается ими какъ не нужнымъ хламомъ, въ которомъ читателю просто скучно разбираться. Личность композитора очень часто отступаетъ на задній планъ среди массы этихъ подробностей, быть можетъ, интересныхъ для родныхъ и для лицъ очень близкихъ къ композитору, но совершенно безцѣльныхъ для той задачи, которую должна ставить себѣ всякая толковая био-

— ТЕАТРЪ КОРША. —

«Дѣти Ванюшина», рис. Ф. Вязовскаго.

употребилъ здѣсь неточное выраженіе, сказавши, что она «написана». Биографія эта «составлена». Составитель отступилъ на задній планъ и не далъ себѣ иной задачи, кромѣ приведенія въ порядокъ и регистраціи обширной переписки покойнаго. Переписка сохранилась въ большомъ порядкѣ, какъ, вообще, всѣ бумаги композитора, начиная съ годовъ ранняго его дѣтства, включая даже его дѣтскія тетрадки и упражненія, которыя всюду и вездѣ такъ легко уничтожаются и выбрасываются. При частыхъ переездахъ семьи Чайковскаго изъ одного мѣста Россіи въ другое, сохраненіе подобныхъ бумагъ въ цѣлости—рѣдкая случайность. Значительная часть этихъ бумагъ, какъ и переписки, находившейся въ распоряженіи г. Модеста Чайковскаго, теперь увидѣла свѣтъ въ книгѣ, озаглавленной имъ: «Жизнь Петра Ильича Чайковскаго».

Можно было бы назвать эту книгу—«Житіемъ» Чайковскаго: до того она обширна и мелочна. Въ этихъ появившихся бумагахъ и письмахъ много со-

графія: познакомить съ опредѣленною личностью, не оставляя читателей блуждать среди массы бесполезныхъ, безцѣльныхъ и сбивчивыхъ подробностей, заслоняющихъ главное и существенное. Въ этомъ смыслѣ я и говорю, что «Жизнь» П. И. Чайковскаго не только не «написана», но даже «составлена» плохо.

Въ особенности, этими недостатками страдаетъ первый томъ *), загроможденный разными «памятками» о дѣтствѣ Чайковскаго, ровно ничего не говорящими, и подробностями о лицахъ, съ которыми когда-либо встрѣчался Чайковскій въ своей юности, въ школѣ и т. д. Особенно курьезны старчески-болтливыя воспоминанія г. Лароша, сообщающаго то свѣдѣнія о какомъ то господинѣ, общавшемъ, по мнѣнію его знакомыхъ, сдѣлаться знаменитымъ, но, вмѣсто того, сломавшемъ себѣ шею, въ пьяномъ

*) Вся биографія еще не закончена печатаніемъ, но второй томъ ея уже почти конченъ.

видѣ спрыгнувъ съ имперіала конки, то рассказывающаго о томъ, какъ преподаватели московской консерваторіи собирались вмѣстѣ пьянствовать и играть въ карты до утра и тому подобныя трогательныя и важныя для г. Ларона воспоминанія. Во второмъ томѣ такихъ подробностей уже меньше; вѣроятно, г. М. Чайковскій не оставилъ безъ вниманія указаній въ этомъ смыслѣ, сдѣланныхъ ему печатно; но очень много безцѣльныхъ повтореній, являющихся въ письмахъ самого композитора, приводятся тутъ. Эти письма слѣдовало проредактировать строже и лучше, не допуская повторенія одного и того же по нѣскольку разъ и не помѣщать разныхъ мыслей, замѣчаній и отзывовъ композитора, видимо случайныхъ и поэтому зачастую противорѣчивыхъ. Вѣдь, все же задача г. М. Чайковского издать не сборникъ писемъ своего брата, а его біографію.

Но, сдѣлавъ эти замѣчанія, можно признать, что въ матеріалахъ, хранящихся въ клинскомъ архивѣ*) П. И. Чайковского и теперь увидѣвшихъ свѣтъ, есть много любопытнаго и поучительнаго; любопытнаго — для характеристики личности композитора, отчасти для исторіи нашей музыки или по крайней мѣрѣ для взаимныхъ отношеній нашихъ музыкантовъ, — поучительнаго, въ смыслѣ человѣческой психологіи, вообще.

Шестидесятые года, когда только что были основаны наши консерваторіи, — любопытное время въ исторіи нашей музыки. Глинка недавно сошелъ въ могилу, Даргомыжскій былъ живъ и приблизительно въ расцвѣтѣ силъ, Рубинштейнъ уже вернулся въ Петербургъ, сдѣлавшійся теперь ареною его дѣятельности, Сѣровъ выступилъ на композиторскомъ поприщѣ. Рядомъ появилась группа молодыхъ композиторовъ — Балакиревъ, Кюи, Римскій-Корсаковъ, Мусоргскій — въ то время еще ничего не сдѣлавшихъ, ничѣмъ себя не проявившихъ, но ставшихъ въ боевую позицію и державшихъ себя, по крайней мѣрѣ, въ печати такъ, что по праву заслужили кличку «самохвалбы», данную имъ Сѣровымъ. Эта группа объявила войну не столько не желательнымъ явленіямъ въ нашемъ искусствѣ, которыхъ и быть не могло, потому что это искусство было слишкомъ молодо, — сколько неприятнымъ для нея лицамъ. Эта группа хотѣла господства, еще ничего не сдѣлавши, вообще, — вела борьбу, стоя на почвѣ личныхъ отношеній. Этимъ объясняется ея вражда противъ Сѣрова, противъ А. Рубинштейна и устроенной имъ консерваторіи. Возгорѣлась чернильная борьба не на животъ, а на смерть, между тремя разными лагерями — Сѣрова, консерваторіи и тогдашнихъ новаторовъ, — ведомая каждымъ изъ противниковъ обыкновенно на два фронта. Въ борьбѣ приходилось получать удары не только вождямъ противныхъ партій, но и тѣмъ, кто почему либо, — часто совсѣмъ случайно — находился въ рядахъ враждующихъ сторонъ.

Приходилось получать удары и Чайковскому, находившемуся въ то время въ консерваторскомъ лагерѣ. Г. Кюи объявилъ его совершенно бездарностью и прошелъ долгій рядъ годовъ прежде, чѣмъ обстоятельства и очевидность заставили его перемѣнить фронтъ и измѣнить столь несправедливый, пристрастный и не мотивированный приговоръ. Появленіе каждаго новаго сочиненія Чайковского, каковы бы ни были его достоинства и значительность, встрѣчалось суровымъ осужденіемъ всесильнаго въ

то время критика, владѣвшаго авторитетомъ не по своимъ знаніямъ и силѣ критическаго таланта, а по значенію тогдашнихъ «Пет. Вѣд.» въ средѣ тогдашняго русскаго общества. Всесильной, всѣмъ читаемой газетѣ консерваторія не могла противопоставить въ отпоръ ни одного сколько нибудь значительнаго органа, пользовавшагося вліяніемъ. Можно думать, что значеніе печати, проявившееся въ этомъ случаѣ, не осталось безъ вліянія на Чайковского. Рѣшимость послѣдняго заняться музыкальною журналистикой, когда онъ уже находился въ Москвѣ, зависѣла не только отъ желанія его получить лишній заработокъ, о чемъ онъ самъ прямо говоритъ, но также и отъ практической выгоды, которую могла давать Чайковскому журналистика. По счастью для себя и для искусства, Чайковскій скоро замѣтилъ также и невыгоды критическаго пера въ рукахъ практическаго композитора. Такъ какъ онъ не былъ упрямъ, и по натурѣ своей вовсе не былъ проповѣдникомъ, ксати же и матеріальныя его условія довольно скоро измѣнились на столько, что онъ болѣе не нуждался въ мизерныхъ гонорарахъ, платившихся тогдашними московскими издателями, то сравнительно скоро онъ отказался отъ своихъ критическихъ начинаній и отъ мысли противостоять въ печати кому бы то ни было, защищать печатнымъ словомъ себя или кого бы и что бы то ни было въ искусствѣ отъ нападеній и направленій, считавшихся имъ зловердими. Плодомъ его журнальной дѣятельности остались фельетоны и замѣтки, помѣщавшіеся имъ нѣсколько лѣтъ къ ряду въ «Рус. Вѣд.» и собранные послѣ его смерти въ отдѣльную книгу. Книга эта ни въ какомъ случаѣ не составляетъ большого вклада въ его дѣятельность, не давая ни точныхъ руководящихъ взглядовъ, ни серьезнаго критическаго анализа или отношенія къ тѣмъ или другимъ явленіямъ музыкальной жизни, разсматривавшимся Чайковскимъ. Но статьи написаны живымъ языкомъ безъ развязной болтовни, которыми отличались фельетоны г. Ларона; онѣ читаются легко и во всякомъ случаѣ интересны, какъ проявленіе взглядовъ художника, приобретшаго впоследствии крупную извѣстность.

Чайковскій, съ дѣтства привыкшій къ обожанію и нѣжной заботливости къ нему родныхъ и людей близкихъ, самъ обладавшій впечатлительнымъ характеромъ, былъ весьма чувствителенъ къ малѣйшимъ замѣчаніямъ, неблагоприятнаго для него свойства. Въ его біографіи на каждомъ шагѣ встрѣчаются указанія такого свойства его характера, иногда совсѣмъ забавныя. То ему покажется, что въ вагонѣ или за табльдотомъ на него смотрятъ криво и недоброжелательно, и онъ самъ готовъ видѣть все дурное въ чужихъ, совершенно ему незнакомомъ; то случайно сдѣланныя и, въ сущности, доброжелательныя для него замѣчанія выводятъ его изъ себя и заставляютъ цѣлыми годами сохранять недоброе, мстительное чувство по отношенію къ мнимому обидчику. Сознавалъ или не сознавалъ Чайковскій свое значеніе въ началѣ своей музыкальной дѣятельности — трудно сказать; только впоследствии его талантъ обозначился какъ слѣдуетъ и выяснилось его мѣсто въ исторіи русской музыки. Но обидчивость его была феноменальною. Любопытна въ этомъ смыслѣ его ссора съ однимъ изъ его ближайшихъ пріятелей изъ-за отзыва послѣдняго о «Воеводѣ», первой оперѣ Чайковского. Самъ композиторъ потомъ призналъ ее никуда негодной и уничтожилъ ея партитуру. Но отзывъ пріятеля до того его разсердилъ, что онъ разсорился съ нимъ на смерть. Н. Рубинштейнъ, старавшійся помирить бывшихъ друзей, остался при своемъ стараніи. Чайков-

*) Последніе годы свои композиторъ жидъ постоянно въ Клину, уѣздномъ городѣ московской губерніи; въ тамошнемъ домѣ его и хранятся всѣ относящіяся къ нему матеріалы.

скій громогласно — и въ присутствіи свидѣтелей — объявилъ, что никогда не протянетъ руки этому «мерзавцу и нсгодю». Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ примирился съ «негодяемъ» и опять раскрылъ ему свои объятія.

М. Молотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Незамѣтные труженники.

Выстрѣлъ, произведенный суфлеромъ въ тамбовскаго антрепренера, прозвучалъ и замолкъ. Каковы обстоятельства дѣла — никому неизвѣстно, и падо надѣяться, что судебное разбирательство раскроетъ обстановку и подкладку преступленія. Не вдаваясь въ обстоятельства даннаго случая, намъ неизвѣстнаго, спросимъ, однако: не пора ли обратить вниманіе и на положеніе «незамѣтныхъ труженниковъ сцены», какъ называютъ суфлеровъ?

Не время-ли, хотя-бы тому же Театральному Обществу, серьезно заняться ихъ судьбою? Каждому, мало-мальски знакомому со сценой, хорошо извѣстно, какъ необходимъ въ труппѣ хорошій и опытный суфлеръ, но, къ сожалѣнію, не всякій имѣетъ ясное понятіе о томъ трудѣ, который всецѣло лежитъ на суфлерѣ. Наврядъ ли найдется хотя одна такая профессія, на долю которой выпадалъ бы такой изнурительный трудъ, какъ трудъ суфлера, требующій кромѣ того громаднаго опыта, навыка и напряженного нервнаго состоянія, разстраивающаго въ концѣ даже самые здоровые нервы.

Извѣстно, что театры, даже въ самыхъ крупныхъ центрахъ, за небольшими исключеніями, имѣютъ по одному

суфлеру, на которомъ и выѣзжаютъ цѣлый сезонъ. Если эта работа окажется непосильной приглашенному суфлеру, и свалить его преждевременно въ постель, его замѣняютъ другимъ и на основаніи контракта лишаютъ жалованья. Строго судить за это администрацію театровъ нельзя, такъ какъ суфлеръ — это тотъ главный винтъ театрального механизма, безъ котораго нельзя обойтись. Когда заболѣваютъ артисты или артистка, ихъ замѣняютъ безъ особаго ущерба для дѣла другими и освобождаютъ, хотя и не надолго, отъ занятій, тогда какъ суфлеру не полагается даже болѣть, подѣ страхомъ быть замѣненнымъ другимъ и лишиться заработка. Служившіе въ сезонѣ 1900—1 г. въ гор. К., въ антрепризѣ г. В., хорошо помнятъ, какъ больною чухоткою суфлера Полубинскаго (нынѣ умершаго) привозили каждый разъ на извозчикѣ и вели подъ руки до суфлерскаго стола; когда же безпощадная болѣзнь приковала его совсѣмъ къ постели, онъ былъ уволенъ отъ службы и на его мѣсто выписанъ другой. И такова участь почти всѣхъ суфлеровъ, если онъ только не броситъ своей профессіи заблаговременно и не займется чѣмъ либо другимъ. Прибавьте ко всей работѣ суфлера еще тѣ волненія, которыя переживаетъ онъ во время спектакля, дрожа ежеминутно за участь актера, вѣреннаго его поддержкѣ, множество нравственныхъ потрясеній, не вполне обезпеченное положеніе, болѣзнь за завтрашній день — и станеть вполне ясно, почему всѣ суфлеры умираютъ во цвѣтѣ лѣтъ, или, въ лучшемъ случаѣ, спиваются съ круга и попадаютъ на торную дорогу. Чахотка, порокъ сердца, потеря зрѣнія, — вотъ тѣ болѣзни, которыя ожидаютъ каждаго суфлера послѣ 4—5 лѣтъ суфлированія, или, въ лучшемъ случаѣ, ревматизмъ, геморрой и совершенное разстройство нервной системы. Всѣ эти болѣзни служатъ единственной наградой, которую можетъ ожидать суфлеръ за добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ.

Выяснимъ, хотя бы поверхностно, насколько утомителенъ трудъ суфлера. Репетиціи почти во всѣхъ театрахъ

— Театръ Литературно-Художественнаго Общества. —

Возобновленіе «Псковитянки». 3 актъ. Сцена Псковскаго вѣча.

(Рис. А. Любимова).

начинаются за 3—4 и въ крайнемъ случаѣ за 2 недѣли до начала сезона (замѣчу кстати, что жалованье суфлеру полагается не со дня репетицій, а со дня перваго спектакля), и вотъ тутъ то и начинается непрерывная и утомительная работа суфлера. Съ 10 часовъ утра суфлеръ садится за свой столъ и начинаетъ надирать свое горло. Если онъ дорожитъ свободнымъ временемъ и будетъ ради этого репетировать, не отходя отъ стола, то на утреннюю репетицію потребуются время отъ 10 до 3 часовъ дня. Вечернія репетиции начинаются съ 6—7 час. вечера, если же день спектакльный, то на работу уйдетъ время отъ 8 до 12½ час. и долѣе. Это при обыкновенномъ нормальномъ репертуарѣ труппы и при условіи не болѣе 4-хъ спектаклей въ недѣлю. При постановкѣ же болѣе 4-хъ спектаклей въ недѣлю, или же болѣе сложныхъ пьесъ, а также на Святкахъ и Масляной и при постановкѣ утреннихъ спектаклей, у суфлера буквально нѣтъ свободного времени не только днемъ, но перѣдко и ночью, такъ какъ перѣдко бываютъ случаи, что репетиции происходятъ ночью послѣ спектакля. И все это время ему приходится высидѣть или въ душливой будкѣ (въ большинствѣ случаевъ среди сырости и плѣсени), или, въ лучшемъ случаѣ, за столомъ и дышать конопью лампъ, которыя палятъ ему въ глаза.

Вознагражденіе этихъ труженниковъ, въ сравненіи съ вознагражденіемъ артистовъ, далеко незавидное. Самый добросовѣстный и опытный суфлеръ получаетъ въ зимній сезонъ отъ 75 до 120 руб. и въ лѣтнее время отъ 50 до 75 р. въ мѣсяцъ (изъ которыхъ не мало уходитъ на дорогу) при чемъ въ рѣдкихъ случаяхъ ему дается, въ видѣ вознагражденія, полу-бенефисъ на общихъ основаніяхъ, который, въ большинствѣ случаевъ, не прибавляетъ ни одной копейки къ его бюджету, такъ какъ наша публика, охотно поддерживающая своихъ любимыхъ актеровъ, совершенно безучастно относится къ бенефисамъ такихъ труженниковъ, какъ суфлеры. Сумѣвшій завоевать симпатіи публики, артистъ бываетъ удовлетворенъ и нравственно и матеріально. А тотъ, благодаря опытности и умѣнью котораго и достигается въ большинствѣ случаевъ успѣхъ актеровъ совершенно забытъ, о немъ никто даже и не вспомнитъ. Не только публика, получающая эстетическое удовольствіе отъ хорошо сыгранной пьесы, но даже и сами актеры совершенно забываютъ, какой адски тяжелый трудъ выпадаетъ на долю невидимаго труженника сцены — суфлера. О суфлерѣ вспоминаютъ только тогда, когда онъ даетъ о себѣ знать зрительному залу. Тогда его перѣдко останавливаютъ возгласами съ верховъ и злорадно задѣваютъ гг. рецензенты въ своихъ рецензіяхъ, не входя въ разсужденіе того, можно ли было обвинять суфлера въ громкомъ суфлированіи или нѣтъ? А причиня, вызывающихъ громкое суфлированіе, не зависящихъ отъ самото суфлера, слишкомъ много: хорошо опытный суфлеръ, даже при безусловномъ незнаніи актерами ролей, будетъ суфлировать имъ такъ, что его не будетъ слышно среди публики и тотъ же самый суфлеръ будетъ всегда слышенъ въ зрительномъ залѣ, если онъ переутомленъ или не въ голосѣ. Да наконецъ въ большинствѣ случаевъ, наши провинціальныя театры въ акустическомъ отношеніи построены до того скверно, что часто голосъ суфлера раздается громче въ зрительномъ залѣ, чѣмъ на сценѣ. Въ этомъ отношеніи всѣмъ тѣмъ лицамъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся наши театры, стоило бы обратить серьезное вниманіе на это обстоятельство.

Желательно, чтобы тѣ, кому близка судьба этихъ труженниковъ, высказались по этому предмету и указали бы способъ къ улучшенію ихъ быта. Одинъ совѣтъ хорошъ, а два еще лучше.

На мой взглядъ, на первое время Русское Театральное Общество могло бы принять отъ себя нѣкоторыя мѣры, не откладывая этого вопроса въ дальній ящикъ. Къ числу этихъ мѣръ можно бы рекомендовать слѣдующія: 1) обязать всѣхъ антрепренеровъ, а) при постановкѣ болѣе 4-хъ спектаклей въ недѣлю, имѣть 2-хъ суфлеровъ, б) если при группѣ имѣется одинъ суфлеръ, стараться не обременять его излишней работой, для чего специальный суфлеръ обязанъ участвовать только на двухъ репетиціяхъ каждой пьесы, если же пьеса требуетъ болѣе 2-хъ репетицій, то обязанности суфлера можетъ исполнять одинъ изъ свобод-

ныхъ актеровъ, в) увеличить содержаніе суфлеровъ провинціальныя театровъ, при чемъ жалованье считать не со дня перваго спектакля, а со дня репетицій и выдавать имъ дорожныя въ оба конца деньги, считая отъ г. Москвы, и 2) образовать специальный фондъ (изъ добровольныхъ пожертвованій, изъ штрафныхъ денегъ, вычитаемыхъ изъ жалованья театральныя служащихъ и изъ ежемѣсячныхъ вычетовъ изъ жалованья суфлеровъ) на выдачу единовременныхъ и мѣсячныхъ пособій тѣмъ изъ суфлеровъ, которые по разстроенному здоровью не могутъ болѣе продолжать свои обязанности. Можно бы при этомъ просить всѣхъ антрепренеровъ жертвовать каждый сезонъ однимъ спектаклемъ въ пользу этого фонда.

Надѣюсь, что настоящая замѣтка не останется гласомъ воиющаго въ пустынь и выдвинетъ на первый планъ этотъ животренсущій и неотложный вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ благосостояніе и жизнь многихъ труженниковъ.

Кр — он.

А. П. Крутикова.

(Къ пожалованію званія заслуженной артистки).

ХРОНИКА

Театра и искусства.

Артистка Императорской московской оперы А. П. Крутикова удостоилась званія заслуженной артистки Императорскихъ театровъ.

* * *

Въ «Спб. Вѣд. Град.» напечатано слѣдующее распоряженіе градоначальника:

Изъ имѣющихся свѣдѣній усматривается, что въ нѣкоторыхъ частныхъ театрахъ и залахъ прислуга у вѣшалокъ, не довольствуясь слѣдуемыми ей за храненіе платья деньгами, громко и дерзко требуетъ излишнія деньги, ставя тѣмъ самымъ въ крайне неловкое положеніе посѣтителей театровъ и залъ.

Обращая на изложенное вниманіе гг. приставовъ, предлагаю наболюсти: 1) чтобы вся прислуга была снабжена, прикрѣпленными на груди, металлическими номерами и списокъ ея по номерамъ всегда имѣлся бы въ конторѣ театра или залъ, для справокъ полиціи и публики; 2) чтобы у каждой вѣшалки на видномъ мѣстѣ имѣлась крупными печатными буквами надпись, сколько взимается за храненіе верхняго платья, за подписью хозяина театра или его уполномоченнаго распорядителя; и 3) чтобы надпись о томъ же была на театральныя афишахъ.

* * *

Слухи.

— Сборъ со втораго «Вечера оперетокъ», устроеннаго Театральнымъ Обществомъ, пойдеть на увеличеніе фонда пріота для дѣтей.

— Оперный спектакль, устраиваемый Т. О., состоится 2 февраля въ Маринскомъ театрѣ. Пойдетъ «Принцесса Греза», муз. Блейхмана. Исполнители: г-жа Куза и гг. Собиновъ, Яковлевъ и др. 9 февраля опера будетъ повторена въ пользу общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія.

— Въ январѣ въ Маринскомъ театрѣ состоится бенефисъ оркестра. Пойдетъ «Зигфридъ» Вагнера, съ участіемъ г-жи Литвинъ.

— Попечительство о народной трезвости рѣшило, по слухамъ, присоединить для гуляній теперешній Зоологическій садъ.

— М. Г. Шевченко въ будущемъ сезонѣ выходитъ изъ состава труппы Александринскаго театра.

— Въ театрѣ г-жи Шабельской розданы роли «новой» (еще?) пьесы г-жи Шабельской «Царица Египта».

— К. А. Варламовъ возобновляетъ въ бенефисъ водевилъ «Левъ Гурычъ Синичкинъ».

— На предстоящій великопостный сезонъ г. Любимовымъ для конововскаго театра составлена оперная труппа, въ которую вошли: г-жи Фигнеръ, Цвѣткова, Бронская, Фингертъ, Тугаринова и Дьячкова, гг. Собиновъ, Давыдовъ, Вѣковъ, Трубинъ и Горьяиновъ. Капельмейстерами приглашаются г. Всеволожскій и г. Фелдтъ.

— Драматической цензурой запрещены драмы: Шиллера «Заговоръ Фіеско», Франсуа Коппе «Северо Торелли» и Бріэ «Порченые».

— Въ нынѣшнемъ сезонѣ въ Императорскомъ Эрмитажномъ театрѣ состоится восемь спектаклей, изъ которыхъ одинъ будетъ посвященъ русской драмѣ. Драматическій русскій спектакль состоится 31 января, причемъ будетъ поставлено «Горе отъ ума». Фамусова будетъ играть г. Давыдовъ, Софью—г-жа Коммиссаржевская, Лизу—г-жа Потоцкая, Чацкаго—г. Аполлонскій, Скалозуба—г. Далматовъ, Горича—г. Черновъ, Репетилова—г. Сазоновъ, Тугоуховскаго—г. Варламовъ, Загорѣцкаго—г. Корвинъ-Крюковской, Хлестову—г-жа Жулева, Хрюмину—г-жа Стрѣльская, г. Н.—г. Медвѣдевъ, г. Д.—г. Озаровскій, княженъ—г-жи Справинская, Хилкова, Дюжикова 2-я, Бурмистрова, Мусина, Домашева. Даже роли безъ словъ поручены первымъ персонажамъ.

— Артистка Михайловскаго театра г-жа Дюксъ выбрала для бенефиса пьесу Альфреда Капюса «La Veine», имѣвшую выдающійся успѣхъ въ Variétés въ Парижѣ.

— 7-го января, въ Народномъ домѣ Императора Николая II исполнена была въ 50-й разъ историческая хроника В. А. Крылова—«Петръ Великій». По окончаніи 4-го акта авторъ былъ вызванъ, причемъ собравшаяся на сценѣ драматическая труппа попечительства поднесла ему лавровый вѣнокъ.

— Недавно основанное Василеостровское общество устройства народныхъ развлеченій рѣшило, по словамъ газетъ, выстроить на Васильевскомъ островѣ народный театръ. Другой новый каменный театръ на Васильевскомъ островѣ будетъ выстроенъ дирекціей Василеостровскаго театра.

— Въ будущемъ зимнемъ сезонѣ въ Александринскомъ театрѣ будутъ, между прочимъ, даны бенефисы В. П. Далматову и г. Крюковскому.

— Г. Чекетти, прощальный бенефисъ котораго состоится въ Маринскомъ театрѣ 27 января, назначается балетмейстеромъ Варшавскихъ казенныхъ театровъ.

* * *

† В. П. Вечера. 3-го января въ больницѣ Маріи Магдалины скончалась провинціальная артистка Вѣра Павловна Вечера, урожденная Плотухъ-Кублицкая. Покойная послѣдній годъ состояла на службѣ въ С.-Петербургскомъ попечительствѣ о народной трезвости. Покойная первоначально служила въ Варшавскомъ казенномъ балетѣ, а послѣдніе годы подвизалась въ драмѣ малороссійской и русской. Скончалась на 21-мъ году жизни.

* * *

Московскія вѣсти.

— 4-го января въ московскомъ мировомъ сѣздѣ разбиралось дѣло объ оскорбленіи артистомъ М. В. Дальскимъ (Нееловымъ) словомъ и дѣйствіемъ помощника режиссера М. А. Дмитріева (Шпринца). Какъ передаетъ «Русск. Сл.», выяснилось новое обстоятельство, показывающее, что г. Дальскій вовсе не раскался въ своемъ поступкѣ. Передъ началомъ спектакля г. Дальскій стоялъ въ костюмѣ «Грознаго» за кулисами, окруженный «боярами», и разговаривалъ съ ними. Когда рѣчь зашла о судебномъ процессѣ, г. Дальскій заявилъ: «Хотя я и получилъ повѣстку въ мировой судъ, но это еще ничего не значитъ. Какъ я билъ Дмитріева раньше, такъ буду бить и послѣ». Сѣздъ утвердилъ приговоръ мирового судьи, которымъ г. Дальскій былъ присужденъ къ аресту на 10 дней при городскомъ арестномъ домѣ. Г. Дальскій перенесъ дѣло въ Сенатъ.

— Товарищество «Частной оперы» ведетъ переговоры съ извѣстными пѣвцами гг. Давыдовымъ и Михайловымъ.

— Бенефисъ М. Н. Ермоловой состоится на сценѣ Большаго театра. Идетъ «Орлеанская дѣва».

— Въ драматическую труппу Малаго театра принята надняхъ артистка балета г-жа Жвирблисъ.

— Въ театрѣ Корша пойдетъ «Ома Гордѣевъ», въ передѣлкѣ К. Арабажина. Передѣлка «просмотрѣна» М. Горькимъ, и «одобрена» къ представленію. A la bonne heure!

* * *

14-го января, въ понедѣльникъ, въ бенефисъ З. В. Холмской идетъ новая пьеса Н. А. Лейкина «Въ царствѣ глины и огня». Талантливый беллетристъ передѣлалъ въ пьесу одинъ изъ лучшихъ своихъ романовъ, рисующій бытъ и нравы рабочихъ на кирпичномъ заводѣ. «Опытъ» г. Лейкина вызываетъ общее вниманіе литературнаго и театральнаго Петербурга.

* * *

Носятся слухи, что Н. И. Соболевичевъ-Самаринъ снялъ на весенній и лѣтній сезоны Нижегородскій, Симбирскій, Самарскій и Астраханскій театры. Предположено ставить въ этихъ городахъ драматическіе и оперные спектакли по очереди. Слухи эти однако нуждаются еще въ подтвержденіи.

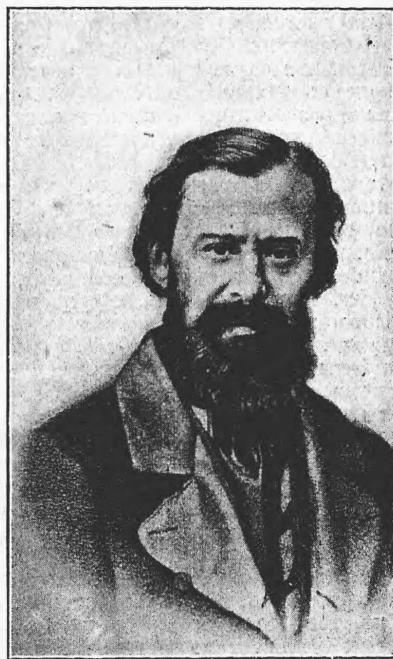
* * *

Таврическимъ губернаторомъ изданы обязательныя постановленія, въ которыхъ имѣются, между прочимъ, слѣдующіе пункты:

Во время театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищъ, а равно и по окончаніи представлений, воспрещается выражать одобреніе артистамъ крикомъ и аплодисментами въ такой степени, которая принимаетъ форму нарушенія благочинія; вмѣшательство постороннихъ лицъ въ распоряженія полиціи при исполненіи ею служебныхъ обязанностей, а равно публичная оцѣнка и критика ея дѣйствій строго воспрещается всѣмъ и каждому безъ различія ихъ чиновъ, званій и положеній; всѣ лица, безъ различія ихъ чиновъ, званій и положеній, замѣченныя въ какихъ-либо проступкахъ, нарушающихъ или клонящихся къ нарушенію порядка и благочинія въ публичныхъ мѣстахъ, по первому требованію чиновъ полиціи, обязаны слѣдовать, не входя на мѣстѣ происшествія ни въ какія объясненія, въ полицейское управленіе или участокъ для дачи надлежащихъ показаній и составленія протокола и, наконецъ, лица въ чемъ-либо не подчинившіяся требованіямъ чиновъ полиціи, основаннымъ на силѣ настоящихъ обязательныхъ постановленій, должны быть неуклонно задерживаемы и привлекаемы къ законной отвѣтственности.

* * *

Панаевскій театръ. Пьеса Л. Мей «Псковитянка» впервые была поставлена нѣсколько лѣтъ назадъ на сценѣ Александринскаго театра, и имѣла тогда средній успѣхъ. Тоже случилось и при постановкѣ пьесы на сценѣ театра Литературно-Художественнаго Общества. «Псковитянка» въ общемъ не многихъ удовлетворила. Какъ историческое произведеніе, пьеса Л. Мей грѣшитъ—toutes proportions gardées—тѣмъ же, чѣмъ грѣшили драмы Кукольника. Иванъ Грозный изображенъ не безъ оттѣнка слащавости. Онъ выведенъ

Л. А. Мей.

Къ возобновленію «Псковитянки».

Ольга подносит медъ Царю Ивану Васильевичу.
Къ возобновленію «Псковитянки».

слабохарактернымъ, сентиментальнымъ, мапернымъ. Сравнительно съ Грознымъ Ал. Толстого—это совсѣмъ мелкая фигура, обрисованная въ духѣ народническо-романтичeskомъ, какъ одно время изображали русскихъ историческихъ лицъ наши славянофилы. На все героическое наложена печать обыденщины, титаны пропалаго низведены на степень современныхъ среднихъ людей, съ маленькой душой, маленькими интересами и маленькими дѣлами. Окружающіе Грознаго въ «Псковитянкѣ» лица также мелки и ничтожны, какъ и самъ герой драмы, что, конечно, не мѣшаетъ имъ быть необыкновенно добродѣтельными, но добродѣтельными въ самомъ узкомъ, и, если такъ можно выразиться въ примѣненіи къ историческому произведенію, самомъ мѣщанскомъ смыслѣ этого слова.

Это одинъ изъ коренныхъ недостатковъ произведенія Л. Мей. Но есть и другіе.

Считать «Псковитянку» истиннымъ драматическимъ произведеніемъ пиконимъ образомъ нельзя. Въ пьесѣ мало движенія, за исключеніемъ развѣ третьяго акта. Отдѣльныя сцены пьесы недостаточно связаны другъ съ другомъ и слишкомъ сжаты для того, чтобы они производили впечатлѣніе, какъ драматическое произведеніе. Наконецъ, самая «архитектоника» пьесы довольно фальшива. Напр., сцена вѣча, интересно задуманная, сдѣлана слишкомъ отрывочно и мало захватываетъ зрителя. Финалъ — совсѣмъ мѣщански добродушенъ. Дѣло, разумѣется, не въ томъ, что развязка искусственная и «Псковитянка» зарѣзывается совсѣмъ неожиданно. Это обычный мелодраматическій приемъ. Но сцена построена певѣрно съ технической стороны. Авторъ заставляетъ Іоанна Грознаго, что называется, прозвѣвать трагическую развязку, и въ самомъ патетическомъ мѣстѣ онъ бездѣйствуетъ. Вообще же, весь послѣдній актъ немотивированъ, и интересъ пьесы развивается безъ нарастанія.

Восторженное отношеніе Ал. Григорьева къ «Псковитянкѣ», конечно, объясняется общностью историческаго міросозерцанія, и наконецъ, отсутствіемъ, за исключеніемъ «Бориса Годунова» образцовъ русской исторической трагедіи. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Мы знаемъ трилогію Толстого; мы знаемъ десятки quasi-историческихъ мелодрамъ, гдѣ воспроизведены, повторены и развиты всѣ приемы и эффекты, введенные Меемъ. Фигура «Псковитянки», съ ея чистой дѣвичьей любовью—отзывается чѣмъ-то избитымъ, шаблоннымъ, пѣтымъ и перепѣтымъ. Видана-ли въ русскихъ историческихъ драмахъ дѣвица, которая бы иначе любила, чѣмъ «Псковитянка»? Какъ, кстати сказать, фальшивая идеализація теремного уклада: Только Островскій въ «Воеводѣ», благодаря чутью великаго художника, нарушилъ эту прямолинейность дѣвичьихъ романовъ московской Руси...

Все это такъ, и все-таки «Псковитянка» доставила мнѣ много хорошихъ минутъ. Пусть это очерки, и даже несценичные, но все же они красивы съ внешней стороны, написаны удивительно сочнымъ и прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Л. Мей—лирикъ съ головы до ногъ. Онъ, можетъ быть, и не способенъ захватить васъ до глубины души, но зато ласкаетъ вашъ слухъ и какъ-то особенно пріятно «щекочетъ». Его стихи—та же мелодич-

ная музыка, которая какъ-то незамѣтно залѣзаетъ вамъ въ душу, что-то поднимаетъ тамъ, волнуется, трогаетъ, хотя и не потрясаетъ. И вы чувствуете себя необыкновенно хорошо, дѣлаетесь чуть-чуть восторженнымъ, а отдѣльными строфы и цѣлыя монологи и послѣ спектакля долго васъ преслѣдуютъ. Умѣть «чувства добрыя пробуждать»—большая заслуга, а этого умѣнья Мей не занимать стать.

Исполненіе, не смотря на нѣкорые «дефекты», а можетъ быть именно и благодаря имъ, мнѣ понравилось. Исполнители уловили настоящій тонъ, въ какомъ слѣдуетъ исполнить пьесу: они больше читали пьесу, чѣмъ играли да такъ, кажется, и слѣдуетъ.

Сцена вѣча удалась бы гораздо больше, если бы исполнители ясно представили борьбу вѣчевого уклада съ московскою централизацией — что, главнымъ образомъ, очевидно, и плѣнило автора. Пьеса шла въ бенефисъ г. Тинскаго, игравшаго Ивана Васильевича, и получившаго много знаковъ вниманія отъ публики.

В. Липскій.

* * *

Новый театр. Бенефисъ г-жи Яворской «Христианинъ» драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ Холль Кона. Пер. съ англійскаго З. Журавской.

Джонъ Стромъ (г. Баратовъ) юношей полюбилъ дочь бѣднаго священника Глорію Квейль (г-жа Яворская). Въ прологѣ дѣйствіе происходитъ на небольшомъ заброшенномъ островкѣ Идиллія молодыхъ людей нарушается: они стремятся каждый къ другому идеалу счастья. Джонъ Стромъ видитъ цѣль своей жизни въ помощи ближнимъ, въ томъ, чтобы быть истиннымъ христианиномъ и для этого отказаться отъ пустыхъ приманокъ жизни; Глорія Квейль припавши жизни вовсе не кажется пустымъ—онѣ ее прельщаютъ, соблазняютъ, кружатъ ей голову, и она стремится въ Лондонъ, чтобы тамъ испытать всю чашу жгучихъ наслажденій. Въ 1-мъ дѣйствіи, черезъ 2 года, она въ Лондонѣ—восходящей звѣздочкой кафеппантаннаго неба; при ней Горацио Дрэкъ (г. Романовскій), въ качествѣ ухаживателя, и группа темныхъ личностей, намѣреющихся эксплуатировать ея успѣхъ и карманъ ея поклонниковъ. Джонъ Стромъ, оставшіяся вѣрнымъ своему намѣренію посвятить себя служенію ближнимъ и для сей цѣли основавшій что-то въ родѣ секты нео-христианства—въ Англіи ихъ такъ много—тоже очутился въ Лондонѣ въ поискахъ за предметомъ своей юношеской страсти. Затѣмъ въ 4-хъ актахъ разсказывается: его ужасъ, когда онъ нашелъ Глорію кафеппантанной глупицей, его старанія направить ее на «путь истины», малая успѣшность этихъ стараній; борьба противъ него тайной клики, окружающей Глорію, побѣда ея—они распускаютъ ложный слухъ среди послѣдователей Джона Стромъ, будто онъ на извѣстный день предрекъ кончину міра и когда

Театръ Литерат.-Худож. Общества.

Возобновленіе «Псковитянки». Г. Тинскій въ роли Грознаго.
(Рис. С. Панова).

это оказывается ложью—взбѣшенная толпа обманутыхъ послѣдователей убиваетъ его; нравственное воскресеніе Глоріи въ часъ смерти его; вѣнчаніе ихъ передъ его смертью.

Новый театр.

«Христіанинъ».

Г-жа Яворская въ роли Глоріи.

считаешь театръ вообще вреднымъ учрежденіемъ? Стормъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, театръ полезенъ, но служители его развратны» (за точность цитатъ не ручаюсь). Выходитъ, что скверные люди дѣлаютъ хорошее дѣло... а вѣдь — за дѣла наши воздастся намъ.

Въ общемъ, пьеса смотрится не безъ интереса, такъ какъ сюжетъ, самъ по себѣ любопытенъ. Исполненіе и постановка — старательныя. Г-жа Яворская, выступившая въ роли Глоріи, сыграла ее эффектно и имѣла большой успѣхъ. Самъ бенефисъ прошелъ очень торжественно: г-жѣ Яворской поднесли огромное количество цвѣтовъ, много разныхъ подарковъ. Г-жа Арапова прочитала адресъ отъ членовъ труппы, гг. Неволинъ и Баратовъ — звучные стихи. На пріѣздъ г-жи Яворской отвѣтила небольшой рѣчью, гдѣ всю заслугу созданія «новаго театра» скромно приписала своимъ сотрудникамъ. Зрительная зала рукоплескала г-жѣ Яворской, какъ бы протестуя противъ такой скромной оцѣнки. С. Сутугинъ.

Петербургскій театр. 7 января была поставлена историческая драма Г. Гейнце «Настасья Минкина». Герой пьесы — графъ Аракчеевъ и Настасья Минкина — лица историческія. Но еще Ап. Григорьевъ сказалъ, что наши драматурги «списываютъ предковъ съ кучеровъ ихъ потомковъ». Такъ создавалъ когда-то свои историческіе типы Кукольникъ и комп. такъ же пишутъ ихъ и современные намъ Бухарины, Навроцкіе, Крыловы. Г. Гейнце исключенія не составляетъ: его Аракчеевъ въ сущности то же, что и любой изъ современныхъ Ивановыхъ или Петровыхъ. Замѣните, на самомъ дѣлѣ, въ пьесѣ г. Гейнце графа Аракчеева какимъ-нибудь Ивановымъ и пьеса отъ этого мало проиграетъ.

Дѣйствіе пьесы г. Гейнце происходитъ въ селѣ Грузинѣ, имѣніи гр. Аракчеева. Графъ случайно узнаетъ, что его «полюбовница» Настасья Минкина, къ которой онъ привязался изъ-за ребенка, рожденнаго въ сожителствѣ съ нимъ, подмѣнила этого ребенка, ибо настоящій ея сынъ умеръ еще при рожденіи. Разгнѣванный Аракчеевъ уѣзжаетъ въ Петербургъ и тамъ женится на одной «доброй, но хилой» дѣвушкѣ. Съ женой графъ возвращается въ имѣніе и здѣсь встрѣчается съ Минкиной. Послѣдняя далеко не скромными пріемами опять завлекаетъ графа, а затѣмъ сама же притворно кается передъ графиней, которая заявляетъ мужу, что будетъ впредь его любить только «платонически» (!). Между тѣмъ, Минкина до безумія любитъ нѣкоего Воскресенскаго, который въ свою очередь влюбленъ въ дворовую дѣвушку Глашу. Минкина изъ ревности отравляетъ Глашу, а затѣмъ бритвой убиваетъ Воскресенскаго, боясь его мести. Затѣмъ слѣдуетъ наиболѣе удачная сцена пьесы: письмо Минкиной, которое она пишетъ Аракчееву по поводу двухъ смертей. Попутно Минкина об-

жигаетъ какую-то дѣвушку, въ которую влюбленъ Вася. «Тутъ ей смерть приспичила», какъ говорится въ какомъ-то водевилѣ, ибо Вася убиваетъ Минкину.

Публика автора вызвала послѣ третьяго и послѣдняго акта, а исполнителямъ все время дружно аплодировала.

Иное дѣло — художественная сторона произведенія. Въ пьесѣ много эффектовъ, дѣйствующихъ ошеломляющимъ образомъ на публику, но эти эффекты условны даже съ самой условной точки зрѣнія. Завязки интрига не имѣетъ (если, впрочемъ, не считать мозоль, который лечитъ Воскресенскій и съ котораго начинается романъ между Настасьей и Воскресенскимъ) а развязка мелодраматическая. Въ общемъ, пьеса напоминаетъ типичную англійскую мелодраму, въ которой ужасовъ не обещается.

Аракчеева изображаетъ г-нъ Петросьянъ съ большимъ тактомъ, чего нельзя сказать про г-жу Некрасову-Колчинскую (Настасья Минкина). Минкина въ ея исполненіи напоминала скорѣе современную даму, чѣмъ сильную характеромъ женщину «изъ простыхъ, изъ мѣшанокъ», какъ слѣдуетъ по пьесѣ. Г. Агаревъ, въ общемъ игравшій съ большимъ подъемомъ, впадалъ мѣстами въ слащавость. Изъ исполнителей второстепенныхъ ролей слѣдуетъ упомянуть г-жѣ Казбицѣ, Дыбинскую, г.г. Бережного, Гинкулова. В. Л.—ий.

* * *

Послѣднее исполнительное собраніе петербургскаго Общества любителей сценическаго и музыкальнаго искусствъ 6-го января, въ залѣ Благороднаго Собранія прошло удачно. Комедія В. И. Немировича-Данченко «Послѣдняя воля», поставленная въ этотъ вечеръ, была дружно разыграна участвующими въ ней любителями, изъ которыхъ отмѣтимъ г-жу Отрадину, г-на Цѣликовскаго (Вишневедскій) и г-на Мальскаго (Торопецъ). Въ музыкальномъ отдѣленіи вечера прекрасное впечатлѣніе произвела г-жа Гулевичъ исполненіемъ Лизы изъ оперы «Пиковая дама» и г-нъ Тертлѣвскій, недурно пропѣвшій арію Валентина изъ «Фауста». Оркестромъ общества подъ управленіемъ г-на Путята было сыграно нѣсколько заграничныхъ пьесъ. Въ увертюрѣ «Танкредъ» России, помимо отсутствія ритма, былъ ясный диссонансъ въ струнныхъ инструментахъ.

* * *

Семейно-танцевальный вечеръ Петербургскаго общества мужскаго пѣнія (St. Petersburg Männergesang - Verein), собралъ 8-го января много публики въ залу Павловой. Кромѣ пѣлаго ряда хорошихъ вещей, прекрасное спѣтыхъ членами общества, г-жа Замарова исполнила арію изъ «Ферморса», и пѣсню Грига, — цитристъ г. Шульманъ и молодой пѣвецъ Данаевъ. Въ началѣ вечера были сыграны любителями двѣ небольшія пьески «Сама себя раба бьетъ» и «Здѣшніе проказники». Въ первой изъ нихъ успѣхъ выпалъ на долю молодого любителя, г. Тамарова, обладающаго извѣстными сценическими данными и способностями.

* * *

Въ понедѣльникъ, 7 января, въ бенефисъ артиста П. В. Холмина на сценѣ Василеостровскаго театра была поставлена драма въ 5 д. И. В. Шпажинскаго: «Гдѣ любовь, тамъ и напасть». Содержаніе этой мелодрамы достаточно извѣстно.

Бенефициантъ игралъ роль Лызгова. Встрѣченный аплодисментами, онъ нѣсколько волновался, но съ третьяго дѣйствія, оправился. Фелицата (Любовичъ) слишкомъ ныла. Г. Гойда (Маркъ) неумѣло пользуется и владѣетъ интонаціями. Хороша была Тресфилова (нищенка) и не дурна Прокофьева (Серафима).

Въ заключеніе шла комедія въ 2 дѣйств. «Домовой шалитъ», причемъ бенефициантъ съ успѣхомъ сыгралъ роль дворника Якова. Недуренъ былъ г. Губинскій въ роли Гаврикова. Публики собралось много. В. Б.

* * *

Въ субботу, 29 декабря, въ театрѣ Общедоступныхъ развлеченій состоялся спектакль съ благотворительною цѣлью, устроенный артисткой Е. Н. Глѣбовой, привлечшій не мало публики. Поставлена была въ этотъ вечеръ драма Ростана «Сынъ Наполеона» въ переводѣ Н. Дингельштедта. Въ роли герцога Рейштадтскаго выступила съ успѣхомъ г-жа Глѣбова. Изъ другихъ исполнителей выдѣлялись: г. Оттосонъ въ роли Метерниха, г. Энгель — Императора и г. Судьбинъ въ роли министра полиціи. Въ женскомъ персоналѣ можно отмѣтить г-жу Николаеву въ роли королевы Луизы.

* * *

Въ воскресенье, 7 января, праздновалось двадцатилѣтіе существованія музыкальных курсовъ Рапгофа. Это музыкаль-

ное учебное заведение занимает среди частных курсов первое мѣсто. Первенство выражается не только въ количествѣ воспитанниковъ, простирающемся до почтенной цифры 360, но и составомъ преподавательскихъ силъ и полнотою преподаваемыхъ предметовъ. Среди преподавателей имѣются педагоги съ весьма почтенными именами. Программа курсовъ, по обилію предметовъ, приближается къ консерваторской. Всѣ эти блестящіе результаты созданы неутомимыми трудами энергичнаго директора и основателя курсовъ, Е. П. Рапгофа, вложившаго въ свое дѣло искреннюю любовь. Послѣ молебствія, состоялся товарищескій завтракъ, на которомъ произнесено было много горячихъ тостовъ въ честь г. Рапгофа. Чествованіе носило весьма задушевный и симпатичный характеръ.

20 января празднуется 25-лѣтній юбилей артистической дѣятельности К. Н. Богданова-Невскаго. Сообщаемъ нѣкоторые данныя о юбилярѣ. Родился г. Невскій въ 1858 г. въ Петербургѣ. Воспитывался въ Петербургскомъ Коммерческомъ училищѣ, по окончаніи которой въ 1876 г. выступилъ впервые на сценѣ Благороднаго Собранія въ роли Плечкова («Блестящая партія»). Центромъ артистической дѣятельности К. Н.

К. Н. Богдановъ-Невскій.

(Къ 25-лѣтію сценической дѣятельности).

былъ Петербургъ, гдѣ онъ переигралъ на многихъ частныхъ сценахъ, а также во всѣхъ загородныхъ театрахъ. Кромѣ Петербурга г. Богдановъ-Невскій игралъ въ Москвѣ, Калугѣ, Кишиневѣ, Гельсингфорсѣ, Ревелѣ и Псковѣ.

Юбилей будетъ отпразднованъ въ Благородномъ Собраніи, гдѣ г. Невскій началъ свою карьеру. Пойдетъ въ этотъ день драма «Цѣна жизни». Юбиляръ выступаетъ въ роли Морского. Анну Демурину сыграетъ г-жа Анненкова-Бернаръ. Кромѣ того въ заключеніе пойдетъ «Тяжба» Н. В. Гоголя, при участіи К. А. Варламова и П. М. Медвѣдева.

Въ Р. Т. О. обратился съ ходатайствомъ уполномоченный Совѣта въ г. Вольскѣ о судѣ или какой-либо матеріальной помощи на подъемъ русско-малорусской труппы подъ управленіемъ Ф. А. Хмары, пострадавшей во время недавнихъ пожаровъ въ г. Пензѣ и, вслѣдствіе отсутствія сборовъ въ г. Вольскѣ, очутившейся въ безвыходномъ положеніи, между тѣмъ какъ группой уже заранѣе былъ снятъ на время праздниковъ театръ-циркъ въ г. Самарѣ. Совѣтомъ удовлетворено ходатайство уполномоченнаго и труппа отправлена по теле-

графу ссула въ 200 рублей при условіи поручительства всей труппы.

Въ пріютѣ для нервныхъ больныхъ на ст. Удѣльной скончался 23-го декабря прошлаго года безвѣстный въ провинціи артистъ М. Н. Милославскій-Киневичъ. Покойный похороненъ на средства Совѣта Р. Т. О. на Большеохтенскомъ кладбищѣ, гдѣ Театральнымъ Обществомъ приобретена цѣлая площадка для своихъ пансіонеровъ.

Намъ пишутъ изъ **Харькова**, что на Великій постъ и Пасху драматическій театръ сдастъ С. Н. Поникону, для представленій его опереточной труппы.

— Оперный театръ Коммерческаго клуба, по слухамъ, снова останется за княземъ Церетелли. До настоящаго времени въ клубъ поступили заявленія о желаніи снять театръ отъ г.г. Салтыкова, Любимова и Орлова (баритона), а также отъ теперешняго антрепренера кн. Церетелли. Вѣроятно клубъ повыситъ арендную плату и сдастъ театръ на одинъ лишь зимній сезонъ, оставляя за собою право эксплоатаціи театра въ остальное время года.

Намъ пишутъ изъ **Кіева**, что антрепренеры городского театра, Бородай и Брыкины, ведутъ переговоры съ г-жей Дюковой относительно сдачи ей театра на Пасху и весну, для представленій ея драматической труппы.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Вильна. За декабрь мѣсяцъ репертуаръ былъ слѣдующій: «Одинокіе», «Женитьба Фигаро» (10-лѣтній юбилей Л. М. Добровольскаго), «Друзья пріятели», «Полусвѣтъ», «Гроза», «Педагоги» и «Всѣ мы жаждемъ любви» (бен. А. П. Смирнова), «Пора» (бен. Н. И. Кварталовой), «Орланская дѣвка» (бен. А. А. Лачиновой), «Марія Стюартъ», «Сверхъ комплекта», «Паминиоль поневолю», «Генералына Матрена», «Новый міръ», «Гамлетъ», «Заза».

Сборы за это время хорошіе кромѣ юбилея Л. М. Добровольскаго и бенефиса А. П. Смирнова, давшихъ полные сборы, большой успѣхъ артистическій и матеріальный выпалъ на долю «Орланской дѣвы», «Заза», «Гамлета», «Новаго міра».

Предпраздничное время, всегда очень тихое въ Вильнѣ, въ этомъ сезонѣ, благодаря сильному репертуару, было весьма оживлено.

Праздничный репертуаръ, составленный изъ старыхъ пьесъ, далъ нѣсколько новыхъ сборовъ.

Екатеринодаръ. Мы уже сообщали (См. корр. изъ Екатеринодара въ № 1 за нынѣшній годъ) объ оставленіи г. Тонни опереточной антрепризы и объ его убыткахъ. Долгъ антрепренера артистамъ составляетъ около 1000 руб., которые, по увѣреніямъ г. Тонни, онъ скоро заплатитъ. Театръ переданъ труппѣ на товарищескихъ началахъ и дѣло подѣ управленіемъ г. Писарева продолжатъ идти.

Кіевъ. Служившій машинистомъ при городскомъ театрѣ Александръ Труновъ подалъ председателю комиссіи по постройкѣ театра заявленіе въ цѣломъ рядѣ злоупотребленій при возведеніи этого сооруженія. Заявленіе Трунова было передано городской управѣ и обсуждалось въ ея присутствіи 24 декабря. Присутствіе управы постановило предложить членамъ комиссіи по сооруженію театра г. г. Абрамовичу, Олтаржевскому, Максимовичу, Якимовичу и Борисову произвести разслѣдованіе по всѣмъ пунктамъ заявленія Трунова. Матеріалы и нѣкоторые технические фабрикатъ, приобретенные за счетъ городской кассы, были употреблены, по словамъ Трунова, на устройство трубчатого котла въ банѣ Познякова, а часть отводовъ для паропровода, по распоряженію бывшаго смотрителя театра Савицкаго, были отправлены въ «Шато». Кромѣ того, провода и шнуры для электрическаго освѣщенія, выпитанные изъ С.-Петербурга, частью пошли на постройку Верховскаго и Маркуса, въ бани Познякова и на устройство электрическаго освѣщенія въ квартирѣ Савицкаго. Принадлежащіе городу нѣкоторые инструменты и техническія принадлежности предоставлялись въ пользованіе частнымъ лицамъ но исправлять ихъ приходилось за счетъ города. Если только часть заявленія Трунова подтвердится, то удастся, вѣроятно, пролить свѣтъ на причины, благодаря которымъ при сооруженіи театра городъ вовлеченъ былъ въ полумилліонный перерасходъ.

Ковна. Антреприза Борисова лопнула. Положеніе труппы безвыходное. Не заплачено за 21 дня. Театръ заняли малороссы. Есть субсидія—тысяча руб., которую хотятъ отдать малороссамъ.

Красноярскъ. Антреприза г. Артемьева прогорѣла. Изъ

остатковъ опереточной труппы образовалось товарищество, подъ управленіемъ гг. Грѣхова и Воронина.

Кутаисъ. Во время представленія въ мѣстномъ театрѣ труппою Д. А. Гайдамаки оперетки «Гейша» одинъ изъ исполнителей произнесъ не имѣющія въ пѣсѣ слова, намекающія на неурядицы по постройкѣ новаго зданія мѣстной мужской гимназіи. Полиція привлекла исполнителя названной роли къ отвѣтственности.

Курскъ. Закончились гастроли товарищества русско-малорусскихъ и опереточныхъ артистовъ подъ управленіемъ артистки Е. П. Ратмировой. Товарищество имѣло относительно недурный успѣхъ. Нѣсколько разъ шли «Игрушечка» (Куколка), «Катерина» опера въ 3 дѣйств., «Русская свадьба», «Снѣгурочка» и др.

Полтава. На постъ тамошній театръ снятъ Н. С. Песочкимъ, режиссеромъ харьковской драматической труппы. Будетъ составлено товарищество изъ нѣкоторыхъ сихъ послѣдней для постановки серіи спектаклей при участіи гастролершъ и гастролеровъ. Предполагается, между прочимъ, участіе П. В. Самойлова, артиста очень любимого на югѣ Россіи.

Рига. Вопросъ о передачѣ новаго городского театра управленію русскимъ театромъ въ Ригѣ, по слухамъ, будетъ рассматриваться въ засѣданіи городской думы, 14 января. — Намъ сообщаютъ, что К. Н. Незлобинъ ведетъ переговоры насчетъ снятія рижскаго театра.

Одесса. На-дняхъ у мир. судьи рассматривалось дѣло по иску Шульца къ управленію ю. в. жел. дор. въ суммѣ 500 р. объ убыткахъ. Убытки произошли вслѣдствіе задержки въ пути багажа артистки Бетти Стовъ, которой пришлось изготовить новыя платья на 500 р. Мировой судья Сомовъ искъ удовлетворилъ.

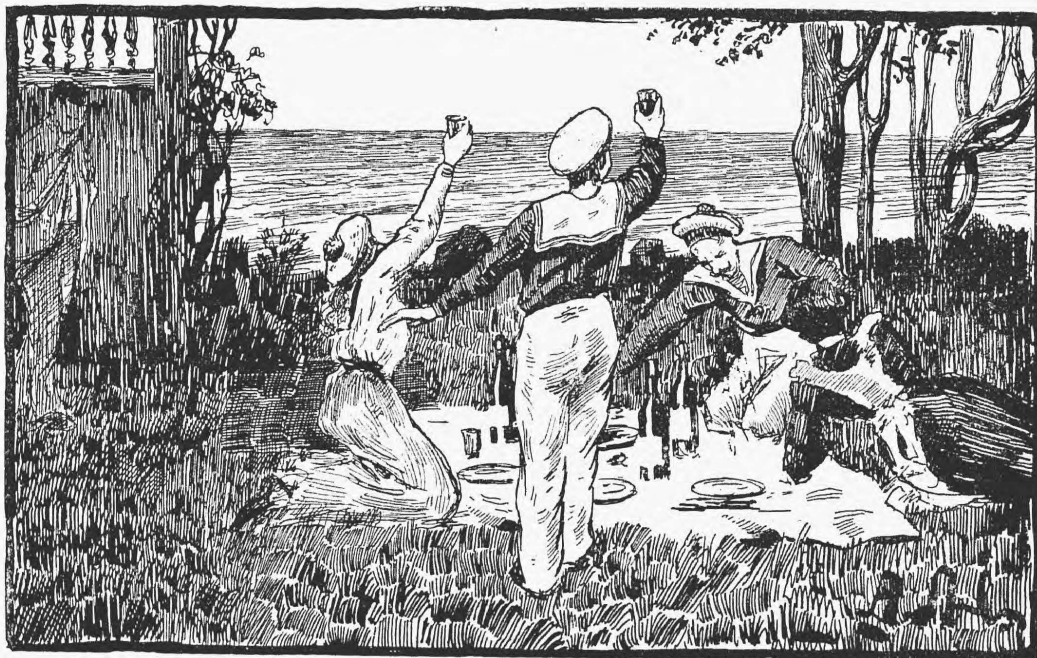
— Закончились спектакли италіанской оперы (антреприза Н. Н. Соловцева). 24 спектакля (вечернихъ) дали свыше 34.000 рублей, что составляетъ свыше 1400 руб. на кругъ.

— 1 января, въ Русскомъ одесскомъ театрѣ едва не произошла катастрофа. Послѣ перваго акта пьесы «Нашъ городъ» одинъ изъ артистовъ, г. Брянскій нагрѣвая на машинкѣ шипцы нѣсколько нагнулся надъ машинкой. Пламя пахнуло ему въ лицо, и на немъ загорѣлась приклеенная борода. Артистъ сорвалъ ее, и она упала ему на платье, которое тоже загорѣлось. Тѣмъ временемъ запылала и сложенная на столѣ бумага. Дымъ проникъ изъ уборной на сцену. Находившійся въ нарядѣ на сценѣ пожарный бульварной части Ѳедоръ Щербаковъ, замѣтивъ, что дымъ пробивается сквозь щели дверей уборной постѣпилъ туда и немедленно сталъ набрасывать на артиста попадавшіяся ему подъ руку вещи, и вскорѣ огонь былъ потушенъ.

— Въ Одессѣ строится новый народный театръ, на Дальницкой ул. Зрительный залъ, небольшихъ размѣровъ, красивой архитектуры, съ 2-мя ярусами ложъ и галлерей по срединѣ расчитанъ, приблизительно, на 1.200 человекъ, включая около 500 мѣстъ партера. Сцена, устроенная по послѣднимъ требованіямъ театральнаго зодчества, выпала очень красивой и по величинѣ своей хорошо приспособлена для спектаклей. Въ томъ же зданіи имѣется много боковыхъ помѣщеній, предназначенныхъ для фойе, подъ квартиры артистовъ и служащихъ.

— Извѣстные богачи, гг. Фальцъ-Фейнъ и Сибираковъ съ компаніей, строятъ здѣсь театръ, который обойдется приблизительно въ 2 милліона. Во главѣ этого грандіознаго дѣла будетъ стоять А. Э. Блюменталь-Тамаринъ.

Ярославль. Здѣсь говорятъ о судебномъ процессѣ, возникшемъ по слѣдующему поводу. На роли первыхъ ingenue была приглашена, г-жа Ѳедорова-Мерцъ. Прослуживъ 1½ мѣсяца, г-жа Мерцъ сыграла всего лишь двѣ видныя роли 1) Ясеневу въ «Счастливцѣ» и 2) Созанну Борель, въ пѣсѣ Капюса «Мелкая Сошка». Остальныя исполняемыя ею роли были весьма незначительны. По прошествіи 1½ мѣсяца, гг. антрепренеры нашли, что г-жа Мерцъ не можетъ занимать при-

«Христіанинъ». 1 актъ. На яхтѣ.

Рис. А. Любимова.

нятаго на себя амплуа, и предложили сбавить ей жалованіе (со 150 р. въ мѣсяцъ). Когда же г-жа Мерцъ, на это не согласилась, то ей было отказано отъ службы. Г-жа Мерцъ подала искъ въ Яросл. Окруж. Судъ, который, разсмотрѣвъ исковое прошеніе, до разбирательства дѣла, допустилъ обезпеченіе иска наложеніемъ запрещенія на находящійся въ Гор. Управѣ залогъ въ обезпеченіе исправнаго платежа жалованія артистамъ. Искъ поданъ въ суммѣ 1075 р., изъ которыхъ жалованія за 3 мѣсяца и 20 дней, неустойка 300 рублей и бенефисъ. Разборъ дѣла назначенъ былъ на 8 января. Дѣло ведетъ присяжный повѣренный Преображенскій.

Письма въ редакцію.

М. г. г. Редакторъ. Обстоятельства, сопровождавшія крахъ театральнаго дѣла въ Могилевѣ представлены г-жею Калмыковой въ искаженномъ видѣ. Г-жа Калмыкова взяла за 1½ мѣсяца 3992 р. при мѣсячномъ жалованьи труппы около 2000 рублей и при прочемъ расходѣ тоже около 2000, за всѣ 1½ мѣсяца. Авансъ, составляющій полумѣсячное жалованіе, а у нѣкоторыхъ даже больше, былъ вычтенъ ею цѣликомъ изъ перваго полумѣсяца и затѣмъ ею было уплачено частями жалованье за второй полумѣсяцъ, т. е. по 29-ое октября 1901 г. Далѣе, вплоть до 19-го ноября, никто изъ служащихъ отъ г-жи Калмыковой не получалъ ни копѣйки. Когда же, 19-го ноября, послѣ утренней, репетиціи, я, какъ режиссеръ труппы, пригласилъ ее на сцену и отъ лица всей труппы, находящейся тутъ же, очень вѣжливо предложилъ ей вопросъ: какъ и когда она думаетъ уплатить намъ жалованье, то возникъ довольно любопытный разговоръ, могущій послужить въ назиданіе антрепренерамъ и актерамъ. Прежде всего, г-жа Калмыкова весьма опредѣленно заявила намъ, что денегъ у нея нѣтъ и платить жалованья она не можетъ. Совершенно озадаченные подобнымъ заявленіемъ, мы спросили ее, что же намъ дѣлать и куда дѣваться, на что она очень хладнокровно отвѣтила: «а что хотите и куда хотите». Опуская нѣкоторыя дальнѣйшія подробности. Когда мы предложили устроить товарищество и уступить намъ театръ, она воскликнула: «ну, ужъ это дудки!» Очевидно, послѣ «дудокъ», намъ оставалось только заявить ей, что мы этого дѣла такъ оставить не можемъ.

«Жалуйтесь кому хотите, — сказала г-жа Калмыкова, — въ сенатъ, министрамъ, Государю»...

Какъ можно понять изъ этого отвѣта, г-жа Калмыкова чувствовала подъ собой въ г. Могилевѣ весьма твердую почву, ибо нисколько не затруднилась выбросить на улицу двадцать слишкомъ человекъ, разчитывая при этомъ на полную безнаказанность. Въ городѣ упорно циркулировали слухи, что нѣкоторые лица, которымъ надоѣла драма, желаютъ оперетку и что оперетка будетъ ею выписана въ самомъ недалекомъ будущемъ. И вотъ она, по всей вѣроятности, придумала крайне

Новый театр.

«Христіанниъ».

Г. Ратовъ—каноникъ.

ливно, ни на минуту не забывая, что передъ нами женщина, хотя ее тонъ и манера выраженій, говоря по совѣсти, должны были заставить насъ это забыть. Что касается до того, что она присылала нѣкоторымъ изъ насъ на квартиру деньги, то и въ этомъ случаѣ, г-жа Калмыкова нѣсколько спутала обстоятельство. Кто остался сначала въ труппѣ, послѣ нашего ухода изъ труппы, можно видѣть изъ слѣдующаго распредѣленія ролей *«отмѣненого спектакля»*, о которомъ упоминаетъ г-жа Калмыкова. Медя — г. Борисова (герония), Язонъ — г. Горюновъ (выходной актеръ), Креонъ — г. Чаровъ (суфлеръ), Филоклетъ — г. Лизини (декораторъ и вых. актеръ, и г. Матусевичъ, начинающій молодой человекъ безъ жалованья. Гг. Чаровъ, Горюновъ и Лизини не могли уйти отъ г-жи Калмыковой, потому что первые два были удовлетворены жалованіемъ сполна, а послѣдній частью. Г. Матусевичъ не терялъ ничего, ибо и не получалъ ничего. Причинъ по которымъ примкнули къ г-жѣ Калмыковой г-жи Борисова, Долинская, Меперская и Славина, я не знаю и касаться здѣсь не буду. Это ихъ дѣло. Въ настоящее время всѣ вышепоименованныя лица находятся на службѣ въ товариществѣ, кромѣ г. Чарова, который послѣ того, какъ собрался сыграть Креона, вдругъ вылезъ изъ будки и—уѣхалъ. Уѣхала также г-жа Ларизина, но она въ товариществѣ состояла, доказательствомъ чему служатъ ее бенедиктинская афиша. Наконецъ, послѣднее: за первый полугодіе нашей дѣятельности товарищество взяло въ театрѣ 680 р. (при трехъ спектакляхъ въ недѣлю, а не при четырехъ, какъ въ антрепризѣ) и 400 слишкомъ рублей за спектакли въ военномъ собраніи, (4-й спектакль перенесенъ въ собраніе). За мѣсяцъ взято на марку около 40 коп., не считая 10% въ омеритурѣ, 2%—платы г-жѣ Калмыковой за театр, 3%—вычетъ для уплаты долговъ г-жи Калмыковой служащимъ. Я нахожу подобный результатъ вполне удовлетворительнымъ, принимая во вниманіе такое глухое и тяжелое время и то, что товарищество лишено такихъ доходныхъ статей, какъ буфетъ и вѣшалка. Слѣдовательно иронія г-жи Калмыковой, что дѣло ведется «умѣло», совершенно неумѣстна. Неумѣные наше заключается, быть можетъ, по мнѣнію г-жи Калмыковой въ томъ, что мы день въ день, часъ въ часъ и копейку въ копейку уплачиваемъ жалованье нашимъ служащимъ, которыхъ у насъ не мало. Да, въ этомъ случаѣ, мы можемъ сказать, положила руку на сердце, что *«такимъ умѣлымъ»*, какимъ въ этомъ отношеніи обладаетъ г-жа Калмыкова, никто изъ насъ не владѣетъ.

Примите и проч.

Режиссеръ труппы П. М. Корсаковъ.

М. г. г. Редакторы! Позвольте чрезъ посредство Вашего уважаемаго журнала предать гласности слѣдующій фактъ, 1 января мною былъ назначенъ по афишѣ «Тарасъ Бульба». Г. Чубатый, воспользовавшись отсутствіемъ равносильнаго себѣ актера, прорепетировавъ въ день спектакля, около 4 ча-

совъ для прислалъ мнѣ записку, въ которой предложилъ роль «Тараса» передать хористу, указывая какъ на причину такого поступка, на то, что его жена не играетъ главной женской роли. Обмѣнявшись съ нимъ безрезультатно четырьмя письмами до 7 часовъ вечера, я отправился къ артисткѣ М. А. Калинѣ просить ее для избѣжанія скандала не играть въ данномъ спектаклѣ, на что она, какъ прекрасный товарищъ, немедленно согласилась. Въ театрѣ г. Чубатый заявилъ новое требованіе, а именно: чтобы я лично извинился предъ его женой, за то, что съ самаго начала не отдалъ ей роли, что я категорически отказался сдѣлать. Тогда г. Чубатый въ присутствіи всей труппы и мужа г-жи Калины началъ по ее адресу отпускать непозволительныя выраженія, чѣмъ и вызвалъ со стороны мужа г-жи Калины протестъ. Въ результатъ драка. Отголоски дошли въ публичку, и въ началѣ второго дѣйствія, въ театрѣ поднялся небывалый скандалъ съ криками: Чубатого! Чубатого! Чубатого! Когда одинъ изъ публички крикнулъ: «Пусть кончатъ Чубатый!»—меня это настолько взорвало, и я крикнулъ: «Это оскорбленіе всей труппы! получите деньги! Запавѣсь!» Скандалъ утихъ, и я, воспользовавшись этимъ моментомъ, изъ одной изъ ложъ обратился къ публицѣ и выяснилъ причины, породившія данный инцидентъ; вся труппа, тутъ-же на сценѣ, подтвердила правоту моихъ словъ. Публика просила продолженія спектакля, который закончился благополучно. Я со всѣми своими товарищами прошу дѣятелей театральнаго міра, познакомившихся съ поступкомъ г. Чубатого, дать ему достойную оцѣнку.

Антрепренеръ малорусской труппы Іосифъ Юрьевичъ *Портняжковъ*, арт. *Е. Н. Никольский, Т. Тамирина, Е. Виленская, М. Я. Даниленко, А. С. Ефимовъ, Е. А. Гумкаевъ, К. Поповъ, М. Калина*, арт. *Л. М. Завалинъ, П. Г. Маркитинъ*, парикмахеръ *С. А. Диниковъ*, управляющій *К. Вороженко, Я. Поповъ, Е. П. Капустъ, С. К. Доброволинскій*, дирижеръ *Л. М. Левиновскій, С. Даниленко, А. М. Алексѣенко, А. Виленскій*.

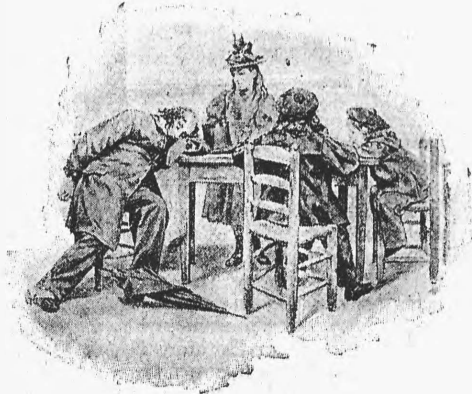

Джеромъ К. Джеромъ.

(Авторъ пьесы «Миссъ Гоббсъ».)

М. г. г. Редакторы! 5 января уѣхала изъ Вильюстка антрепренерша мѣстнаго театра, Анна Петровна Царевская-Смѣльская, не заплативъ труппѣ за мѣсяцъ жалованья, не доплативъ 200 р. за театр, а также оставивъ на произволъ судьбы музыкантовъ и рабочихъ. Костюмы, слѣданные за счетъ сборовъ, увезла съ собой, отправивъ свои вещи, подъ видомъ библиотечки дирижера Шульцъ. Труппа, очутившись безъ хозяйки, вошла съ владѣльцемъ театра въ соглашеніе, уплатила останнійся за Смѣльской долгъ за театр 200 р. и, съ согласія мѣстной администраціи, продолжаетъ дѣло на товарищескихъ началахъ, взявъ на себя обязательство уплатить имъ жалованье до конца сезона полнымъ рублемъ.—Просимъ этотъ поступокъ Смѣльской огласить чрезъ Ваше уважаемый журналъ.

Артистка *Н. Тетшева, А. Полюжова, Томская, В. Луишчева, Михайлова, Н. Морева, М. Сибирькова, А. Истомина, П. Максимовъ, М. Межевой, А. Болышкова, П. Романовъ, Милевъ, М. Сенковский, М. Судыбинъ, В. Орлицкій, В. Яенискій, А. Каренинъ, Сметковский, П. В. Козыревъ-Сокольскій*.

Московскія письма.

Въ театрѣ Акваріумъ (дирекція г-жи Пуарэ) ставится передѣлка «Омы Гордѣва». За послѣднее время вопросъ о передѣлкахъ получилъ нѣкоторую остроту, впрочемъ, весьма одностороннюю. Вслѣдъ за письмомъ Максима Горькаго, утверждавшаго, что передѣлокъ «не должно быть», появилась претензія вдовы Вс. Крестовскаго противъ г. Арбенина, письмо г. Станюковича (въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ») по поводу передѣлки его повѣсти «Пассажирка» въ водевилъ «Мраморная вдова», письмо г. Писарева, въ которомъ онъ рассказываетъ исторію сценической передѣлки «Короля Лира», Тургенева. Въ журналѣ «Театръ и Искусство» напечатана статья

Г-жа Редеръ.

(Къ концерту 13 января).

г. Сутугина «О передѣлкахъ» и замѣтка по тому же вопросу въ руководящей редакціонной статьѣ.

Статьи и письма говорятъ, главнымъ образомъ, о «правѣ» — юридическомъ правѣ каждого приспособлять къ сценѣ, перекладывая въ драматическую форму, чужія беллетристическія произведенія. Оказывается, что въ нашемъ законодательствѣ нельзя подобрать статьи, карающей подобное безцеремонное обращеніе съ чужою собственностью. Это очень прискорбно. Только, мнѣ кажется, что совсѣмъ не объ этомъ — не о какомъ либо «юридическомъ» правѣ слѣдуетъ говорить въ данномъ случаѣ. Если мягкій уступчивый Тургеневъ писалъ благодарственные письма своему неизвѣстному передѣльвателю, если тотъ же Горькій «кому-то» разрѣшилъ, какъ онъ самъ признается, передѣлать для сцены Ому Гордѣва, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что передѣлки, санкціонируемыя авторами первоначальныхъ произведеній, должны получать, такъ сказать, художественное «бытіе» и признаніе въ искусствѣ.

Передѣльвателями въ широкомъ смыслѣ этого слова были Шекспиръ и Мольеръ. Да, но въ очень широкомъ — почти настолько широко, насколько Гете можно считать передѣльвателемъ легенды о Фаустѣ. Передѣлками занимались гг. Вейнбергъ, А. Потѣхинъ, К. С. Станиславскій, А. Н. Островскій, прибавлю отъ себя. Но, въ сущности, что же это доказываетъ? Я помню передѣлку «Дворянскаго гнѣзда», сдѣланную г. Вейнбергомъ, на сценѣ Малаго театра. Она очень литературна, сдѣлана съ возможнымъ вкусомъ, но смѣю у-

верждать, что это было печальное зрѣлище, и романа Тургенева въ немъ не было и слѣда. Были Лаврецькій, Лиза и все остальные, говорили тургеневскія слова; Лаврецькій любилъ Лизу, Лиза уходила въ монастырь... Повидимому, это считается достаточнымъ, когда говорится «о сути» художественнаго произведенія независимо отъ его формы. Но, вѣдь, это такая невѣрная мысль, которую даже какъ-то странно опровергать. Художественная «суть», можетъ быть, тѣмъ и отличается отъ всякой другой, что перестаетъ существовать внѣ извѣстной ей свойственной формы. Эту суть также невозможно выдѣлить изъ формы, какъ выгнуть душу изъ тѣла.

«Прекрасное есть полное согласіе идеи съ формою». Въ рядѣ опредѣлений «прекраснаго» я не знаю другой, болѣе блестящей формулы. Художественное произведеніе есть нѣчто завершенное — красота разъ достигнутая и неповторяемая. Опытъ обработки въ драматическую форму своего же собственнаго произведенія, который предпринимали нѣкоторые художники, достаточно убѣдительно: изъ этой работы никогда не выходило ничего хорошаго — не получалось новаго произведенія искусства изъ разъ отвердѣвшаго матеріала и тѣмъ болѣе, чѣмъ первоначальное произведеніе было ближе къ идеалу прекраснаго. Каждой идее («суть») соответствуетъ опредѣленная форма, понимая ее въ рядѣ сочетаній рода (эпосъ, лирика, драма) съ стилемъ, манерой, настроеніемъ — съ тончайшими соответствіями идеи и формы, въ овладѣваніи которыми, собственно, и состоитъ художественное творчество. Все это очень элементарно, но, оказывается, что объ этомъ еще нужно говорить. Чѣмъ выше художественное произведеніе, то есть, чѣмъ глубже и совершеннѣе въ немъ соответствіе идеи и формы, тѣмъ менѣе поддается оно репродукціи. Опытъ сценическихъ передѣлокъ такого великаго и своеобразнаго писателя, какъ Достоевскій, доказалъ это съ полною очевидностію. Кто можетъ, положи руку на сердце, утверждать, что «Идіотъ», «Преступленіе и наказаніе», «Братья Карамазовы» въ сценическомъ переложеніи, суть, произведенія Достоевскаго? Это совершенно новыя произведенія. Если кто нибудь сомнѣвается въ этомъ — беру на себя смѣлость это доказать.

Передѣлка г. Евдокимова въ сценическомъ отношеніи совсѣмъ не такъ ужъ плоха. Для болѣе сжатости и возможной ясности слѣдовало бы, быть можетъ, не разбрасываясь по всей поверхности повѣсти, сосредоточить сценическую передѣлку вокругъ личности Омы. Тогда нужно было исключить Игната Гордѣва, занимающаго собою три картины, и если ужъ показывать Тараса Маякина, то не такъ вскользь, какъ это сдѣлано въ передѣлкѣ. Передѣлка, на мой взглядъ, страдаетъ излишнимъ количествомъ мелкихъ персонажей — что производитъ очень пестрое калейдоскопическое впечатлѣніе. Очень трудно отрѣшиться отъ впечатлѣній повѣсти — поставить себя въ положеніе зрителя, для котораго настоящий Ома Гордѣвъ совершенно неизвѣстенъ, но, и невольно поправляя и дополняя сценическія впечатлѣнія самою повѣстью, все-таки не видишь на сценѣ Ому Гордѣва и не улавливаешь тѣни мучительнаго процесса, который происходитъ въ его душѣ. Все блѣднѣетъ, расплывается, кажется немошнымъ и ненужнымъ. То, что сдѣлалъ Горькій въ своей повѣсти, невозможно переложить въ драматическую форму — иначе, именно, въ этой формѣ «Ома Гордѣвъ» вышелъ бы изъ подъ его пера. Форма вытекаетъ изъ идеи, понимая ее не какъ опредѣленную мысль, тѣмъ менѣе, тенденцію а какъ извѣстное состояніе души художника — «идею чувство». Художники, облакающие свои произведенія въ эпическую форму, дѣлаютъ это не потому, что не владѣютъ драматической или не владѣютъ ею потому, что драматическая форма не соответствуетъ кругу ихъ идей и чувствъ.

Ома Гордѣвъ на сценѣ — Андрюша Бѣлугинъ, старый знакомый русскихъ актеровъ. Г. Ланской именно такъ и играетъ его въ театрѣ Акваріумъ; въ передѣлкѣ нѣтъ и матеріала для того, чтобы играть его иначе. Г. Ланской, видимо, очень способный артистъ и смотрѣть его красивую игру пріятно. Только это не имѣетъ никакого отношенія къ Омѣ, Горькаго. Все это внѣшнее, скользитъ по поверхности и тотчасъ становится обидно жалкимъ и риторичнымъ, когда хочешь хоть немного углубиться въ душу Омы.

Наиболѣе живая, хотя столь же далекая отъ повѣсти, фигура получилась въ передѣлкѣ (и слово-то какое ремесленной!) изъ Маякина, прекрасно сыграннаго старымъ актеромъ г. Чарскимъ. Изъ Маякина въ передѣлкѣ получился персонажъ Островскаго; онъ совершенно утратилъ все своеобраз-

ное, что ему придано въ повѣсти, но сохранилъ нѣкоторую элементарную цѣльность. Этимъ воспользовался г. Чарскій и, не мудрствуя лукаво, сыгралъ Маякина, какъ игралъ многіе аналогичныя роли. Вышло совсѣмъ живое лицо, невольно къ себѣ привлекавшее все вниманіе. Очень недурно прочла сцену съ Ѳомой Любы Маякиной г-жа Ромаскевичъ. Это было именно «чтеніе изъ романа», о которомъ говоритъ г. Сутугинъ. Я не знаю только кому оно нужно, кромѣ г.г. передѣльвателей и нѣкоторыхъ театровъ.

Въ концѣ концовъ, подлежатъ или не подлежатъ юридической отвѣтственности г.г. передѣльватели — это вопросъ второстепенный. Но несомнѣнно, что судъ искусства долженъ имѣть вывести обвинительный приговоръ, ибо они нарушаютъ его основные законы «Передѣлокъ не должно быть», пишетъ г. Горькій. Желательно, чтобы ихъ не было, — ни дурныхъ, ни хорошихъ, ибо хорошихъ передѣлокъ не *можетъ* быть. Хорошихъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ хорошо каждое оригинальное произведение: если оно и далеко не достигаетъ высоты прекраснаго, то все же подчиняется закону стремленія къ соответствію идеи и формы, какъ характернѣйшему признаку художественнаго творчества.

И. Ярцевъ.

КУПЕЦЪ И ГОНЕЦЪ.

(Изъ античнаго міра).

— То правда-ли, гонецъ, что корабли мои
Всѣ въ бурѣ роковой на вѣки потонули?
Несчастья отъ меня, о другъ мой, не таи!
Я вижу: ничего мнѣ волны не вернули.

— Увы, ты угадалъ, чуть прошепталь гонецъ.
Тутъ ропотъ, плачь поднялъ въ отчаяньи купецъ.

— За, что, кричалъ, за что? Гдѣ справедливости
неба?

Я-ль не былъ честенъ, добрѣ? За что такая казнь?
Теперь лишенъ всего, лишенъ куска я хлѣба,
За близкихъ, дорогихъ безмѣрная боязнь
Мнѣ сердце скорбное клещами разрываетъ.

— Ахъ то-ли, господинъ, на свѣтѣ здѣсь бываетъ?
Не первый на землѣ страдать ты принужденъ,
Ужъ тотъ счастливѣ, чей путь въ началѣ поврежденъ
И кто чинить его еще остался въ силахъ...

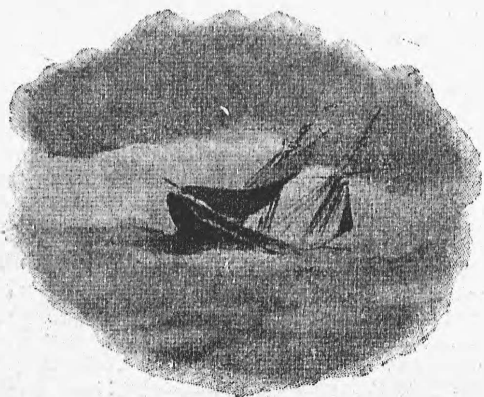
— Но бѣденъ я, я нищъ, пойми, я разоренъ,
Мнѣ нечѣмъ прокормить жену и дѣтокъ милыхъ.

— Посмотримъ, велика-ль еще твоя бѣда:
Я вижу ты цвѣтуешь, какъ пурпуръ красны губы!
Скажи мнѣ: у тебя здоровы-ль, цѣлы-ль зубы?

— Смотри до одного, здоровы, цѣлы, да...

— При бѣдности представъ и боль еще зубную.
Представъ ужасную, жестоку, тупую!
Ты плачешь, что нѣтъ средствъ для дорогихъ ребятъ.
Будь радъ, что у тебя хоть зубы не болятъ.

И. Гриневская.

Музыкальныя замѣтки.

Акціи г. Фигнера, въ послѣднее время, сильно упали. Публика къ нему замѣтно охладѣла и концерты его перестали дѣлать сборы. О, прегратности судьбы! Sic transit...

Справедливость требуетъ сказать, что г. Фигнеръ такого рѣзкаго охлажденія не заслужилъ, какъ не заслуживалъ онъ раньше того обожанія, которымъ его окружали. Публика въ своихъ симпатіяхъ или антипатіяхъ всегда хватаетъ чрезъ край. То не въ мѣру превознесетъ, то не по заслугамъ унизитъ. Въ этихъ крайностяхъ много несправедливаго, но нельзя сказать, чтобы онѣ основывались на одномъ капризѣ. При болѣе внимательномъ взглядѣ, нетрудно открыть здѣсь причины болѣе общаго и глубокаго свойства. Изученіе этихъ причинъ весьма интересно въ смыслѣ общественнаго психологіи и не только позволяетъ проникнуть въ тайны общественныхъ настроеній, но часто также разъясняетъ смыслъ эволюціи понятій и искусствъ. Въ перемѣнѣ къ *личности* сказывается перемѣна въ *принципахъ* и если, съ этой точки зрѣнія, рассмотримъ «причины величія и упадка» г. Фигнера, то открывается любопытнѣйшая страничка изъ исторіи нашего музыкально-общественнаго развитія.

Г. Фигнеръ явился къ намъ вскорѣ послѣ уничтоженія казенной италіанской оперы. Это уничтоженіе, казавшееся для италіаномановъ преступленіемъ, въ сущности, было неизбежно. Италіанская опера пережила свою славу. Суть не въ томъ, что сами оперныя *произведенія* италіанской школы устарѣли. Въ искусствѣ не все старое дурно, какъ не все новое хорошо. Но дѣло въ томъ, что италіанскіе *артисты* обветшали. Италіанцы заботились только о красивомъ пѣніи. Ко всѣмъ же остальнымъ требованіямъ художественности они относились съ явнымъ и безсмысленнымъ пренебреженіемъ. Но вокальное акробатство, являющееся само себѣ единственною цѣлью и оправданіемъ, не возвышается надъ уровнемъ простаго ремесленника.

Господствующее положеніе италіанской оперы оказывало сильное вліяніе на русскую оперу. Здѣсь тоже забота о вокальной сторонѣ вытѣсняла всякія другія художественныя стремленія. Только благодаря такому направленію на нашей сценѣ сценимы были такіе пѣвцы, какъ Василевъ, 3-й или Михайловъ, — пѣвцы съ великолѣпными голосами, но своею игрою способные убить всякую сценическую иллюзію. Эти артисты не то, что проникаются ролью или ситуациею не умѣли—куда имъ до такихъ тонкостей, — но подъ часъ и не понимали того, что они поютъ. Кто не помнитъ, какъ г. Михайловъ, напримѣръ, въ заключительной сценѣ бала въ «Онѣгинѣ» восклицалъ: «Я *дезинфекцію* требую», вмѣсто «сатисфакціи»? Лишенные образованія и манеръ, они буквально не умѣли ступить на сценѣ. И въ это именно время появился г. Фигнеръ. Не обладая такими голосовыми средствами, какъ г. Михайловъ, напримѣръ, — г. Фигнеръ превосходилъ всѣхъ прежнихъ пѣвцовъ искусствъ мѣ пѣть, умѣишемъ подчинить пѣніе драматическимъ требованіямъ текста. Его умная фразировка, превосходная декламация, драматическій темпераментъ, картинность и пластичность позъ и развитое чувство красокъ составляли яркую противоположность деревянной игрѣ и безцвѣтному пѣнію прежнихъ премьеровъ. Въ своей сценической игрѣ г. Фигнеръ, положимъ, тоже не выходилъ изъ рамокъ оперныхъ условностей, онъ не могъ возвыситься до созданія типовъ съ правдивыми бытовыми чертами и жизненнымъ тономъ исполненія. Но онъ восполнялъ эти недостатки *эффектностью* исполненія, мастерскимъ умѣишемъ располагать и комбинировать краски, создавать съ ихъ помощью контрасты. И все это у него выливалось въ гармонично-красивыя формы. На сценѣ появилось искусство. Публика, или, по крайней мѣрѣ, та ея часть, которая легче всего плѣняется эффектностью, увлеклась и создала изъ г. Фигнера идола, которому поклонялась съ восторженностью, близкою къ фетишизму.

Такимъ же эффектнымъ дѣлъ мастеромъ, если не болѣе, оказался г. Фигнеръ въ области романа. Концертное пѣніе г. Фигнера рѣдко бываетъ согрѣто искреннимъ чувствомъ и глубиною настроенія. Но онъ и здѣсь поражаетъ умѣлымъ подборомъ красокъ, всегда густыхъ, но гармонически распределенныхъ, вышнее пылкостью темперамента и общою эстетичностью замысла. Обладая голосомъ, далеко не перворяднымъ по матеріалу, г. Фигнеръ умѣетъ тщательно обходить опасность, распоряжается своимъ превосходно отдѣланнымъ *mezza-voce* съ изумительною виртуозностью и ловкою атакою высокихъ нотъ часто производитъ даже иллюзію сильнаго звука. Между тѣмъ въ публикѣ назрѣвали новые идеалы. Нуженъ былъ новый талантъ, который сумѣлъ бы воплотить эти идеалы, и онъ явился... въ лицѣ г. Собина. Этотъ даровитый артистъ съ голосомъ, крошечнымъ и пока еще мало обработаннымъ, но прелестнымъ по тембру, далъ публикѣ то, чего жаждалъ ея неудовлетворенный инстинктъ художественности, — именно живое олицетвореніе художественныхъ образовъ. Мы видѣли предъ собою не обычный оперный манекенъ, со всею фальшью и условностью опер-

Церемоніальное шествіе (шаржъ А. Любимова).

(«Бенефициантъ отъ труппы была поднесена статуэтка»—изъ газетъ).

наго шаблона, съ нелѣпою вычурностью позъ и жестовъ, съ ходульною приподнятою безсмысленной аффектаціею, а рядъ яркихъ *типовъ*, трепещущихъ глубокою правдою жизни, трогательною естественностью чувствъ и неподдѣльною искренностью тона. Г. Собиновъ, подобно Пигмаліону, вдохнулъ жизнь въ холодный мраморъ опернаго истукана. И такъ какъ *le mieux est l'ennemi du bon*, то г. Собиновъ низвергъ съ пьедестала г. Фигнера. Это жестоко, но справедливо. Новыя пѣсни, новыя птицы. Художественныя потребности публики измѣнились, ея горизонты расширились. Между Михайловымъ—Ленскимъ, требующимъ «дезинфекціи», Ленскимъ Фигнера, эффектнымъ, но несимѣющимъ ничего общаго съ пушкинскимъ образомъ, и Ленскимъ—Собиновымъ, художественно воплощающимъ замыселъ любимѣйшаго изъ нашихъ поэтовъ, лежитъ длинный путь, по которому двигалось и развивалось наше собственное музыкальное самосознаніе. Эти три пѣвца олицетворяютъ собою три ступени нашего музыкальнаго развитія.

Какъ на «причину упадка» г. Фигнера, слѣдуетъ указать еще на его «изолированность» въ артистической семьѣ и, вообще, на чисто личныя качества. Было бы бесполезно отрицать значеніе нравственныхъ элементовъ для популярности артиста. Между сценою и зрительнымъ заломъ, несомнѣнно, существуетъ живое общеніе. Конечно, эта причина не имѣла рѣшающаго значенія, но она ускорила паденіе.

Упадокъ популярности г. Фигнера наглядно сказался въ его первомъ ежегодномъ концертѣ, состоявшемся 6 января, въ Дворянскомъ собраніи. Залъ оказался далеко не полнымъ и хотя не было недостатка въ аплодисментахъ и повтореніяхъ, но не было прежней восторженности приѣма. Г. Фигнеръ, программы котораго всегда поражали сомнительнымъ вкусомъ, на этотъ разъ составилъ болѣе содержательную программу. Въ нее вошли произведенія Кюи, Римскаго-Корсакова, Чайковскаго, Годара, Карелли, Гродзкаго и Таскина. Г. Фигнеръ пѣлъ съ обычными достоинствами и недостатками. Совершенно невѣрно, будто онъ сталъ пѣть хуже. Вина не въ немъ, а въ насъ самихъ. Это мы пережили свои желанія и разлюбили свои мечты. За то г-жа Фигнеръ непрерывно совершенствуется и ея пѣніе становится съ каждымъ разомъ все болѣе совершеннымъ и законченнымъ. Это настоящее дарованіе, которое отъ времени только совершенствуется. Въ концертѣ пѣлъ еще одинъ баритонъ, обозначенный звѣздочками, но пѣлъ совершенно безцвѣтно. Хорошо аккомпанировалъ г. Таскинъ.

И. Кн—скій.

Театральныя замѣтки.

Съ однимъ актерѣмъ, вошедшемъ скоро въ славу и также быстро ее потерявшемъ, я прочелъ недавно жестокую, но справедливую статью. Не называю имени актера, потому что не желаю усугублять жестокость. Авторъ статьи винить въ этомъ паденіи таланта лстецовъ и низкопоклонниковъ, растлившихъ актера. До извѣстной степени, оно справедливо. Остается пожалѣть, что въ перечнѣ лстецовъ не упомянута театральная критика—главный и могущественнѣйшій лстецъ, убивающій талантъ и прямо, вліяя на него, и косвенно, создавая толпу мелкихъ лстецовъ. Лестъ критики—самая убійственная разновидность лести. Лестъ устная называется иногда учтивостью, комплиментами, любезностью. Но тѣ же лстивыя слова, напечатанныя чернымъ по бѣлому, считаются уже критическимъ сужденіемъ, и человекъ, осыпaeмый этою лестью, съ своей стороны никакихъ мѣръ предосторожности противъ внѣдренія лести не предпринимаетъ, и она совершаетъ свое губительное дѣло безпрепятственно.

Вообще, критика должна быть благожелательна, но сурова. Я знавалъ актеровъ и актрисъ, впечатлительныхъ и нервныхъ, которые играли то хуже, то лучше, смотря по тому, какія о нихъ писались рецензіи. И послѣ безсодержательнаго мадригала г. рецензента, они играли хуже и опускались, а послѣ суровой (однако, необходимое условіе—и благожелательной) рецензіи, немедленно подтягивались. И зная нравъ актера, я заранѣе могъ сказать, какъ пройдетъ роль. Чисто въ шахматномъ порядкѣ: хорошо сыграно, слѣдовательно, хорошая рецензія, слѣдовательно, вторая роль сыграна плохо, слѣдовательно, дурная рецензія и новая хорошая роль и т. д.

Лестъ театральнoй критики—съ одной стороны,

какъ плодъ нравственной неустойчивости господъ рецензентовъ; диѳирамбы — съ другой, какъ слѣдствіе недостатка серьезнаго художественнаго образованія и высокой требовательности, необходимыхъ для критика. Театральная критика—самое важное и нужное дѣло, потому что ни въ одной области искусства не существуетъ такого смѣшенія формы и сущности, идеи и внѣшняго выраженія, словъ и способа ихъ произнесенія—короче, роли, какъ «заданія», и выполнения, какъ художественной работы. На художественныхъ выставкахъ обычное явленіе—восторгъ толпы предъ интереснымъ, хорошимъ, красивымъ сюжетомъ. Всѣ дилетанствующие посѣтителѣ съ интересомъ останавливаются предъ портретомъ хорошенькой, эффектной, красиво одѣтой женщины, но пройдутъ мимо портрета какого-нибудь ничѣмъ не замѣчательнаго отставнаго генерала или канатнаго фабриканта. Хорошенькая женщина можетъ быть написана очень дурно, но она привлекаетъ вниманіе. Отставной генералъ можетъ быть написанъ очень хорошо, но онъ останется втунѣ. Происходитъ полное смѣшеніе сюжета, если хотите,—«роли» съ выполненіемъ, съ искусствомъ, съ индивидуальностью художника. Этотъ примѣръ, однако, лишь въ слабой степени поясняетъ нашу мысль, потому что художникъ-живописецъ, самъ себѣ ставитъ задачу, и такъ сказать, въ выборѣ сюжета обнаруживаетъ вкусъ, почему иногда достойно получаетъ похвалу за *свой* выборъ, тогда какъ актеръ получаетъ готовую задачу изъ рукъ автора и режиссера. Слѣдовательно, смѣшеніе роли съ исполненіемъ есть уже похвала, ровно ничѣмъ со стороны актера незаслуженная.

Театральная критика должна прежде всего стремиться къ отдѣленію искусства актера отъ матеріала, предложеннаго ему авторомъ, такъ какъ эта задача, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, для толпы совершенно непосильная. Между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ совершенно обратное: рецензенты являются плотью отъ плоти, костью отъ кости театральной толпы, и въ своихъ сужденіяхъ не только не предостерегаютъ отъ смѣшенія роли съ исполненіемъ, но узаконяютъ его санкціей печатнаго слова. Напримѣръ, актеръ сыгралъ царя Федора съ огромнымъ успѣхомъ. Слыхали вы, чтобы кто-нибудь сыгралъ эту роль изъ рукъ вонъ плохо? Я по крайней мѣрѣ, не слышалъ. Никто при появленіи «Царя Федора» не разбирался въ впечатлѣніи, но всѣ чувствовали «огромность» его, которая слагалась изъ новизны самаго положенія, изъ необыкновенной смѣлости изображенія, изъ большого таланта Алексѣя Толстого, и изъ возможности соединенія психологическихъ чертъ царя Федора съ состояніемъ современныхъ душъ, одержимыхъ модной «нейрастеніею». Все это сразу ставилось въ заслугу актера, безспорно, весьма талантливаго и вполне пригоднаго для этой роли. Въ результатъ—диѳирамбы, отъ которыхъ могла закружиться голова, и какъ слѣдствіе этихъ диѳирамбовъ, не отдѣлявшихъ роль отъ исполненія,—утрата всякаго правильнаго критическаго представленія о размѣрахъ дарованія, его характера, его нормальныхъ формахъ и прирожденномъ амплуа. Театральная критика не сказала ни единого здраваго слова. Она молчала о талантѣ актера, хотя онъ пробивался съ неизмѣннымъ постоянствомъ во множествѣ незамѣтныхъ и мало-оригинальныхъ ролей. А онъ былъ всегда даровитъ, и немногіе истинные судьи всегда это видѣли. И вдругъ, «открытіе»,—и прорвалась плотина.

Кстати, объ этомъ словѣ—«открытіе таланта». Это—самое фальшивое понятіе и выраженіе. Открытіе таланта доказываетъ только невосприимчивость и

рутину критики. Если бы критика была, какъ говорится, на высотѣ своей задачи, ей незначѣмъ было бы что либо «открывать». Талантъ былъ бы ясенъ сразу, да онъ и ясенъ для каждаго понимающаго. Что тутъ открывать? Какъ всюду жизнь, такъ и въ самомъ маломъ сквозитъ дарованіе, и достаточно нѣсколькихъ словъ на сценѣ, чтобы видѣть, есть у актера дарованіе или нѣтъ. Но такъ какъ критика всегда судитъ а posteriori, по сложному впечатлѣнію роли и исполненія, а не по оттѣнкамъ послѣдняго, какъ слѣдовало-бы, то происходитъ «открытіе талантовъ», которое однимъ своимъ фактомъ ясно свидѣтельствуеетъ о томъ, что критика не обнаружила чутъ и пониманія, и заднимъ числомъ замаливаетъ свой грѣхъ небреженія.

Каждый день приходится читать рецензіи, гдѣ хвалятъ за роль и бранятъ за роль. И никакого другого критерія. Отсюда то чувство озлобленія, то жестокое стремленіе вырвать роль, перебить ее, та путаница самолюбій и интригъ, которыя больше всего мѣшаютъ правильному ходу театрального дѣла. Я съ совершеннымъ убѣжденіемъ говорю, что если судить по рецензіямъ, не разбираясь въ нихъ качественно, а огуломъ, то можно сказать: «нѣтъ плохихъ актеровъ, а есть плохія роли». Сидишь въ театрѣ, смотришь, слушаешь, подмѣчаешь признаки дарованія у какого-нибудь эпизодическаго актера, въ случайной фразѣ, и наоборотъ, нестерпимо скучаешь, видя, какъ могучая роль пріобрѣтаетъ свойства пустого мѣста, въ исполненіи плохого актера,—и убѣждаешься, что толпа совершенно этого не понимаетъ; что пустое мѣсто, въ ея глазахъ, получаетъ преобладаніе надъ сочною подробностью, что въ общей картинѣ погибаютъ безвозвратно, для толпы, эти красивые, яркія вспышки темперамента, эти художественно смѣлые и дерзкіе штрихи, но запечатлѣвается безнадежная, въ одну дуду дудящая, посредственность, благо ей даны и слова въ изобиліи, и эффектные сценическія положенія. А что же критика? Рѣдко протестуетъ; чаще подтверждаетъ ошибки; еще чаще ведетъ къ дальнѣйшимъ ошибкамъ толпу.

И я возвращаюсь къ началу. Среди льстецовъ самые опасные тѣ, которые льстятъ по неразумію, потому что они льстятъ искренно, сильно, ярко, съ увлеченіемъ. И тогда дарованіе гибнетъ; оно мечтаетъ о томъ, якобы у него «изо лба фиговое древо произрастаетъ»; оно начинаетъ метаться; оно выходитъ изъ нормальныхъ границъ; оно берется за задачи, по существу своему непосильныя и непригодныя, теряетъ естественную легкость и живость тона, и впадаетъ въ манерность... Это судьба всѣхъ «открытыхъ талантовъ»; потому что «открытые таланты» восхваляются съ усиленной, почти покаянной аффектаціей. Большое счастье для художника не испытывать въ своей карьерѣ и судьбѣ «открытій», но идти ровнымъ, правильнымъ шагомъ къ совершенству, закаляя свои силы въ борьбѣ съ равнодушіемъ, непониманіемъ, и достигая апогея славы не бурными скачками безумствующаго восторга, а постепеннымъ ходомъ здраваго признанія. «Открытый талантъ»—непремѣнно талантъ погибшій, отмѣченный при рожденіи, т. е. при открытіи, печатью будущихъ страданій. Въ его судьбѣ прорвется несправедливость прежняго отрицанія. Онъ прогремитъ, и умолкнетъ; блеснетъ, и погаснетъ. Въ кратковременномъ теченіи своей славы онъ выместитъ всю обиду прежнихъ огорченій, а на склонѣ славы ему отомстятъ за всѣ излишества поклоненій. И въ этой лихорадкѣ пролетитъ его судьба, полная жгучихъ радостей и страданій для него, но почти безрезультатная для искусства...

А. К—ель.

СВИСТОПЛЯСКА.

(Продолженіе *).

ПОВѢСТЬ.

IV.

Въ швейцарской онъ встрѣтился съ господиномъ въ бобрахъ, котораго не узналъ, но который раскрылъ ему объятія и воскликнулъ: — «Финиковъ! Ты ли? Гряди ко мнѣ на грудь!»

Господинъ въ бобрахъ былъ, повидимому, въ самомъ пріятномъ настроеніи. Финиковъ по голосу узналъ въ немъ своего бывшего товарища по балету — Лѣтникова и сочно съ нимъ расцѣловался.

— Не узналъ меня, каналья! А вотъ я съ перваго взгляда по носу тебя сразу призналъ! — продолжалъ Лѣтниковъ.

— Ты такъ растолстѣлъ, что гдѣ же тебя узнать! оправдывался Финиковъ.

— Москва-матушка! Тамъ не то, что вашъ промозглый Питеръ. Тамъ, мой другъ, всѣхъ раздываетъ. Лелечку Трясинкину помнишь?

— Какъ же!

— Спичка была, пиголица, а теперь, братъ, — во! печка! И все это въ Москвѣ!

— Ты гдѣ играешь? спросилъ своего стараго знакомаго Финиковъ.

— Въ новомъ, ангелъ мой, въ новомъ!

— Какъ? Въ драмѣ? Ты?

— Не удивляйся, другъ мой. Нынче въ драмѣ сказано новое слово и никакихъ сверхъестественныхъ дарованій не полагается. Да вотъ, напримѣръ, въ «Тетѣ Оенѣ»... Вся моя роль заключается въ томъ, что я стаскиваю сапогъ... Понимаешь, — стаскиваю и молчу... Ничего больше... А кругомъ — мразь, скука, сырость... Въ окно стучитъ осенній дождь, подъ поломъ скребетъ мышь, кричитъ за сценою курица... А я стаскиваю и не могу стащить... Впечатлѣніе получается страшное, сильное... Ну, понимаешь, вся скука и сырость нашей жизни такъ и шибаетъ въ носъ зрителя... одна дама не выдержала... заплакала навзрыдъ...

— А къ намъ ты зачѣмъ?

— А я къ вамъ по очень важному дѣлу. У насъ въ первопрестольной упорно циркулируетъ слухокъ, что графъ Оркестровъ получаетъ очень важное назначеніе по театру...

— Тебѣ-то что до этого?

— А мнѣ до этого «то», милый другъ, что я талантъ, а по сему — понимаешь?..

— Въ казенку что-ли просишься?

— Да, мамочка, да; въ казенку... Казенка — хлѣбъ вѣрный... А начальство облизать я могу... Не страшно.

— Но, вѣдь, графъ-то пока ничего не значитъ...

— Знаю... Вѣдаю... Но почву-то, милый мой, готовить надо? А у меня на него рукавицы ежовыя...

— Кустикова?

— Она самая. Однокурсники... Въ одинъ годъ изъ театрашки выскочили... На «ты» были... Неужели забыла? Нѣтъ, она не изъ такихъ...

Финиковъ передалъ своему старому пріятелю все, что зналъ о Кустиковой и посоветывалъ зайти къ ней въ другое время.

— Ну а ты же что... по старому? На балахъ пляшешь? Вѣдь это, братъ, гроши... Нищенство!

— Всякому свое, — отвѣчалъ Финиковъ.

Они уже шли по улицѣ по направленію къ дешавому трактирчику, въ которомъ пожелали вспом-

нить старину и выпить по кружкѣ... ну хотя-бы пива...

— Къ намъ поступай. Протекцію могу тебѣ оказать...

— Что я дѣлать стану у васъ? я въ драмѣ ступить не умѣю.

— Вздоръ. Нынѣшняя драма этого и не требуетъ. Жизнь знай. А тебѣ-то жизни не знать? Слава Богу — на свѣтѣ пожилъ...

— Да, но какъ!..

— Какъ-бы тамъ ни было.

— Поздно теперь. Надо всего себя перекраивать... А это трудно.

— Зачѣмъ перекраивать. Мы тебя цѣликомъ возьмемъ, какой есть...

— Не пойду я къ вамъ. У меня уже есть привычки, условія... Я привыкъ къ хорошему обществу, а ваша актерская среда съ ея нравами, амикшонством... Отвыкъ я отъ нея...

Собесѣдникъ Финикова захохоталъ.

— Да, вѣдь, милый мой... Ты въ этомъ хорошемъ обществѣ полы натираешь...

— Но ароматъ-то его... ароматъ... чувствую я? Какъ ты думаешь?

— Я думаю, что ты дуракъ.

— Ну вотъ... вотъ, напримѣръ! — воскликнулъ Финиковъ: — ни одинъ лакей въ порядочномъ домѣ не позволитъ себѣ такъ выразиться, какъ ты... И это ваши нравы! У васъ это ничего не значитъ... Вы какъ горохъ сыплете бранные эпитеты...

— Перейдемъ отъ бранныхъ словъ къ дѣлу, — сказалъ Лѣтниковъ: я, какъ былъ хорошимъ товарищемъ, такъ и остался имъ. Въ огонь за пріятеля, — въ огонь... Въ морду за него дать — въ морду... Не въ грубости моей дѣло... Что грубость! Меня удивляетъ, что ты до сихъ поръ идеалистъ, вѣришь въ призваніе...

— Я вѣрю въ неспособность свою къ сценѣ...

— Годъ — два и ножки твои перестанутъ брыкаться... А тогда что? — поставилъ вопросъ Лѣтниковъ.

— Богадѣльня, — отвѣтилъ Финиковъ: — только ты слишкомъ преувеличиваешь мой возрастъ. Мнѣ еще сорока нѣтъ и я могу рассчитывать не на два, не на три года, а на десятокъ...

— На десятокъ лѣтъ волчьей жизни! — воскликнулъ Лѣтниковъ.

— Всякому свое, — замѣтилъ опять ему на это Финиковъ.

— Ты хоть-бы балетъ написалъ... Какія-нибудь рас придумалъ-бы... Нѣтъ, я разсуждаю иначе: не выдвинулся до сорока лѣтъ, не попалъ въ геніи, — ищи себѣ тепла и уюта... Единственный исходъ... Вѣдь, надо же когда-нибудь человѣкомъ стать.

— А что такое по твоему «человѣкъ»? Какъ ты понимаешь его?

— По моему — это звѣрь съ желудкомъ и при томъ требующій себѣ тепла...

— А духъ? Мысль?

— Это, братъ, побрякушки романтизма... Никто этого духа не видалъ, а что касается мысли, — то на голодный желудокъ мысль идетъ всегда самая скверная... Вѣдь, ты съ Раскольниковымъ знакомъ, я полагаю? Ну, вотъ тебѣ доказательство...

Финиковъ взглянулъ на часы.

— Чего ты поглядываешь? Урокъ что-ли?

— Да, урокъ.

— Гдѣ мы опять увидимся?

— А ты много-ли тутъ пробудешь?

— Какъ дѣла... Не менѣе двухъ дней...

— У Кустиковой и сойдемся...

— Ладно.

*) См. №№ 1 и 2.

— Оттуда можно опять куда-нибудь въ такое же Эльдorado...

— Идетъ!

Пріятели разстались. Финиковъ побѣждалъ на урокъ, а Лѣтниковъ остался въ пивной допивать свою кружку. Онъ потребовалъ себѣ какую-нибудь газету. Его интересовалъ театральнй отдѣлъ.

V.

«Общество», въ которомъ принимала столь дѣятельное участіе Таиса Оедоровна выключило въ безвозмездное распоряженіе себѣ одну изъ городскихъ залъ. Въ день благотворительнаго вечера Таиса Оедоровна, председательница общества—генералша Слѣпушкина и секретарь общества—Журавчиковъ, находчивый и юркій мужчина лѣтъ 30,—возились съ устройствомъ въ этой залѣ кіосковъ, буфета, разставляли диваны и стулья, летали по городу съ билетами, разсовывая ихъ всѣмъ знакомымъ, и сильно побаивались за сборъ. Афиши о ихъ вечерѣ пестрѣли во всѣхъ книжныхъ, музыкальныхъ и портновскихъ магазинахъ. Подъ тремя звѣздочками прятались фамилии извѣстныхъ оперныхъ артистовъ, которые, конечно, не пріѣдутъ и обмануть публику, а въ концѣ афиши, гдѣ значилось «послѣ концерта танцы»—жирнымъ прифтомъ была набрана фамилія Финикова и сказано, что «дирижировать танцами будетъ нашъ извѣстный дирижеръ Финиковъ».

Финиковъ былъ очень доволенъ афишей. Онъ прочелъ ее со вниманіемъ, тщательно свернулъ и спряталъ въ шкатулку, гдѣ хранились всѣ афиши съ его именемъ, а ихъ было не мало.

— Сегодня у меня балъ, а потому кромѣ легонькаго супа попросите мнѣ ничего не готовить,—сказалъ онъ Дуняшѣ, когда она поутру принесла ему чистенные сапоги и самоваръ.

Финиковъ всегда держалъ себя на діэтѣ, когда собирался на балъ. Хотя онъ былъ увѣренъ въ своей граціи, но тѣмъ не менѣе отъ разъ принятаго въ этомъ случаѣ принципа не отступалъ.

Ему надлежало еще видѣться съ капельмейстеромъ оркестра, чтобы просмотрѣть ноты танцевальныхъ номеровъ. Финиковъ боялся, чтобы оркестръ на его дирижерствѣ не угостилъ танцующую публику какимъ-нибудь старьемъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ педантъ и слѣдилъ, чтобы граціозныя движенія, ушедшія «впередъ», не производились подѣ «бабушкину» музыку.

Почти всѣ капельмейстеры знали Финикова, равно какъ и онъ зналъ всѣхъ бальныхъ капельмейстеровъ. На сей разъ дѣло приходилось имѣть съ Самойломъ Давыдовичемъ, написавшемъ два оригинальныхъ вальса и любившемъ фантазировать. Финиковъ помнитъ, какъ на одномъ балѣ въ пользу пріюта глухонѣмыхъ этотъ самый Самойло Давыдовичъ въ шестой фигурѣ пустилъ что-то вродѣ «барыни-сударыни». Баломъ тогда дирижировалъ не онъ, а Лещевскій. Финиковъ же былъ на балѣ по даровому билету, посмотрѣть на своего конкурента и, конечно, пришелъ въ ужасъ. Онъ тогда же сказалъ Таисѣ Оедоровнѣ, которая была на этомъ балѣ въ роскошномъ бархатномъ платьѣ съ вырѣзомъ: «вотъ ужъ этого я не позволилъ-бы! Ни за что не позволилъ-бы! Вѣдь это профанация бала! «Непониманіе букета! Тонкость утрачена! Изящество убито»!..

Боже мой, какъ былъ онъ возмущенъ безтактностью Лещевского!

Таиса Оедоровна тогда ему замѣтила—«лишь-бы было весело», на что онъ, Финиковъ, опрокинулся со всей своей безпощадной логикой, съ своимъ несокрушимымъ педантизмомъ на Таису Оедоровну.

— Извините-съ, Таиса Оедоровна,—горячо запротестовалъ онъ: бедламъ и свѣтское удовольствіе я ни за что не позволю смѣшивать! Я скорѣе на висѣлицу пойду, чѣмъ допущу толпу двигаться подѣ дикіе звуки... Извините-съ. Нѣтъ, ты съумѣй устроить веселье, не пуская въ ходъ трепака... Иначе ты не дирижеръ, а сапожникъ. Простой сапожникъ.

— Вы кажется ни разу не танцовали?

— Боже меня сохрани! воскликнулъ Финиковъ, за кого же вы меня считаете? Стану я танцовать подѣ дирижерство Лещевского. У меня вкусъ есть, Таиса Оедоровна...

Впрочемъ, и сама Таиса Оедоровна не танцовала, но не потому, чтобъ не могла танцовать подѣ дирижерство Лещевского, а потому что была безъ «своихъ» кавалеровъ. Возрастъ Таисы Оедоровны «держалъ» ее, какъ сама она выражалась, только на одиѣхъ кадрилихъ. Въ другихъ танцахъ она считала «смѣшнымъ» выступать въ ея годы.

Таковы были отношенія Финикова къ «балу», который онъ считалъ самымъ идальнымъ и изысканнымъ удовольствіемъ въ мірѣ. М. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Харьковскія письма.

IX.

Исторія Греческаго Коня, легкомысленно введеннаго въ столицу древней Трои, повторилась въ нашей оперѣ: князь Церетелли передъ самыми праздниками поѣхалъ въ Полтаву, а свой театръ сдѣлалъ г. Кастеллиано, импресарио кончущей итальянской оперы. Что можетъ быть за опера въ Полтавѣ?—вопросалъ себя, очевидно, нашъ оперный антрепренеръ—и съ спокойнымъ сердцемъ пустилъ къ себѣ итальянцевъ. Расчетовъ было много: и аренду съ послѣднихъ брали сравнительно высокую, и публика должна была «соскучиться» по русской оперѣ, «посмотрѣть и посравнить» своихъ артистовъ съ итальянцами—и само собою разумѣется не къ выгодѣ послѣднихъ... Но вышло все наоборотъ. «Сыны Авзоніи прекрасной», хотя и явились съ маленькимъ хоромъ и оркестромъ, оказались истинными нѣнцами, съ великолѣпными голосами и настоящимъ bel canto, по которому, что тамъ ни россписывай г.г. рецензенты, нашъ меломанъ неизмѣнно тотъ же. Постановка итальянцы для начала «Африканку» съ г-жей Алаберто, Модесты и Гамба—и; «визили городъ» Букавалло *всѣ* апплодировала названнымъ артистамъ. Большая помпезная опера прошла даже съ вышней стороны, въ смыслѣ картинности и оживленія, такъ хорошо, что и на это всѣ обратили должное вниманіе. Въ результатѣ за 6 спектаклей взято свыше 6000 руб., что для г. Кастеллиано, да еще за самое глухое время, оказалось истинной благодатью а при томъ совершенно неожиданной. Хорошо по истинѣ сѣдали итальянцы послѣ «Африканки», «Жидовку» и «Риголетто». Данный впервые слѣлъ на итальянскомъ языкѣ «Евгеній Онѣгинъ» шелъ при переполненномъ сборѣ. Конечно, публика ювала на эту оперу изъ интереса къ курьезу, но услышала такую Татьяну (г-жа Алаберто), что только дану далась, какъ это итальянка, а такъ сѣла и сыграла роль, какъ самымъ исполнительнымъ и не спилось! Что у г-жи Алаберто великолѣпное сопрано, полновзвучное, ровное, мягкое и теплаго тембра, на то она, положимъ, итальянка; но сѣлъ Татьяну (сцену письма), не отрывая глазъ отъ бумаги, ни разу не взглянувъ на дирижера, а затѣмъ внести простоту и *челесообразности*, чисто драматическую, это ужъ нѣчто болѣе. Дирекція нашей оперы спохватилась, что, говоря вульгарно, «пустила козла въ огородъ», и отказала г. Кастеллиано въ продленія спектаклей, такъ что 22 и 23 декабря представленія итальянцевъ состоялись уже въ Вылгородѣ и здѣсь—въ драматическомъ театрѣ, гдѣ, наконецъ, билеты были разобраны всѣ до единого. Успѣхъ этотъ ободрилъ г. Кастеллиано и онъ сѣлъ на Пасху оперный театръ (у правленія клуба) на двѣ недѣли, причемъ въ спектакляхъ будетъ участвовать «самъ» Маттіа Баттистини.

Наша опера въ Полтавѣ, по слухамъ, не «оправдала» своихъ расходовъ, хотя главныя силы ея имѣли большой успѣхъ, особенно г-жа Ванъ-дербъ-Брандтъ, дѣйствительно выдающаяся артистка. О размѣрахъ ея успѣха здѣсь можно судить по бенифису, который состоялся 31 декабря. Давали достаточно заигранную оперу «Лакмэ»—и театръ былъ переполненъ. Бе-

нефиціантка пѣла совершенно болыная. Вообще сказать, какъ молодая пѣвица, г-жа Ванъ-дерб-Брандтъ мало бережетъ себя, переутомляется и форсируетъ все чаще и сильнѣе свой сильный голосъ, вся прелесть котораго въ его легкости и красотѣ тембра. — Съ успѣхомъ сошелъ бенефисъ Макаровой, «пригожаго Лея», въ «Сибгурочкѣ». Г-жа Макарова получила много подарковъ. Послѣ «Купца Калашникова», который совершенно не поправился публикѣ, хотя исполняется весьма удовлетворительно и обставленъ даже прекрасно, — наша публика услышала «Царскую Невѣсту», шедшую здѣсь въ предыдущемъ сезонѣ. Опера была поднесена въ совершенно сыромъ видѣ и тоской своей къ концу спектакля разогнала значительную часть публики. Несомнѣнно, что эта опера — самое слабое произведение г. Римскаго-Корсакова. Репертуаръ становится слишкомъ прѣснымъ. Вѣдь, въ сущности, итальянцы потому и имѣли успѣхъ, что по умѣлому да хорошими голосами заиграли, а не мелодекламировали «подъ звуки трубъ и барабановъ»... Въ нашей оперѣ можно наблюдать такое явление: одни спектакли идутъ очень хорошо, но за то другіе такъ, какъ будто задались нарочитой цѣлью — позлить публику. Есть у насъ пѣвицы и пѣвцы, которымъ — ей же Богу — нельзя пѣть на нашей сценѣ, да рядомъ еще съ хорошими артистами. Я избѣгаю называть имена тѣхъ аспирантовъ и аспирантокъ, которыя въ своемъ заблужденіи доходятъ до того, что поютъ Татьяну, Маргариту, Офѣлию, Валентину и т. д. Но чего смотреть на нашу многочисленную дирекцію? Иногда у насъ за пюпитромъ канцельмейстера, вмѣсто талантливаго г. Штейнберга, появляется «маэстро», исполняющій затѣмъ — и весьма при томъ скверно — офицера въ «Лакмѣ». Что это за пробы пера? Сборы на праздникахъ въ оперѣ были средніе.

Репертуаръ нашего драматическаго театра продолжалъ идти также неопредѣленно и случайно, какъ всегда, и тѣмъ не менѣе сборы передъ праздниками надо признать безусловно хорошими, — праздничныя же прямо-таки отличными. Съ большимъ успѣхомъ прошли за это время пьесы: «Идіотъ», «Каширская Старина», «Нѣмые души» и «Святое Искусство», не миновавшее нашей сцены. Въ послѣдней пьесѣ играли главные роли г-жа Строева-Сокольская (Елена) и Иртеньева (Маруся), гг. Лепковскій (Тюленевъ) и Дара-Владиміровъ (Залетовъ). На праздникахъ прошли съ аншлагами: «Три сестры» (въ исполненіи этой пьесы наша труппа достигла замѣчательнаго ансамбля) и «Набатъ» — бенефисъ г. Кригера, которому по заслугамъ воздано мѣстной печатью за постановку такой балаганной пьесы... Съ отличными сборами прошли «Пережитое», въ которой прекрасно играетъ роль Зины г-жа Азагрова, два раза «Педагоги», продолжающіе дѣлать большіе сборы, «Разрушенный домъ» и «Меблированныя комнаты», «Сестра Тереза» (днемъ) и «Графъ де Ризооръ». Послѣдняя пьеса возобновлена послѣ годичнаго антракта и прошла съ выдающимся успѣхомъ. Г-жа Строева-Сокольская, что называется, вопли въ своей сферѣ, играя страстную красавицу испанку; всѣ свои сцены артистка ведетъ съ большимъ, въ нѣмъ «уладоочное» время, драматической силой. У г. Лепковскаго роль Ризоора — одна изъ лучшихъ за сезонъ; она очень подопла къ его обычной манерѣ — нѣсколько спокойно и медленно приближаться къ драматическимъ моментамъ, давая въ послѣднихъ новый просторъ своему большому темпераменту. Сцены Долоресъ и Ризоора были лучшими въ пьесѣ. Поэтический колоритъ придали г-жа Иртеньева дочери Альбы, которую умно и выдержанно играетъ г. Павленковъ. Карлоо игралъ г. Карамазовъ достаточно нервно и выразительно, но роль эта требуетъ и больше блеска, и пластики, и особенно экспрессии. Все меньше и меньше остается у насъ актеровъ, умѣющихъ играть героическіе роли. Скоро у насъ и Гамлета будутъ играть совсѣмъ по обывательски просто, какъ переутомленнаго неврасстеника-интеллигента, у котораго и мысли, и чувства кучи... Охъ, ужъ это перепрошеніе! Жуетъ актеръ слова или мямлитъ ихъ про себя актриса — вотъ и основа впечатлѣнія простоты и естественности у большинства цѣнителей и приверженцевъ «реальной» школы. Ни одушевленія, ни характера, ни акцента въ смыслъ рассваго темперамента, ни необходимаго блеска, ни пластики, — все сѣро, безцвѣтно, тривіально. И это въ героическихъ песахъ или высокой драмѣ называется правдой и искренностью! И сколько способныхъ и даже талантливыхъ людей губитъ эта самая такъ понимаемая «правда» и «искренность»!.. Давали въ нашемъ театрѣ «Новый міръ». Если эту пьесу да еще играть тономъ «современной» салонной комедіи, то легко себѣ представить, что изъ сего произойдетъ. Изъ всѣхъ исполнителей хороша была г-жа Миличъ, хотя роль «великолѣпной» Вероники и не совсѣмъ подходитъ къ ней; но умная и владѣющая техникой актриса сказала въ всемъ — и въ планировкѣ роли, и въ колоритности, и въ пафосѣ. Противъ ожиданія слабой Мерціей оказалась г-жа Иртеньева и неудачнымъ Маркомъ г. Дара-Владиміровъ, хотя онъ былъ очень красивъ и сильно позировалъ. Г. Дара-Владиміровъ хорошій актеръ на роли фатовъ и нѣкоторые характерные, но совсѣмъ не драматическій любовникъ и отнюдь не герой, — для этого нѣтъ у него достаточно сильнаго темперамента и голоса, нѣтъ и плавной, одушевленной рѣчи...

И. Тивридовъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РИГА. Приглашеніе на гастроль Э. Ф. Днѣпровой, задуманное и сдѣланное для оживленія кассовыхъ ресурсовъ нашего все болѣе и болѣе тощающаго Драматическаго Общества, не оправдало надеждъ. Послѣ этого театральная коммисія прибѣгла къ новому способу привлеченія публики. Одна за другой идутъ новинки русской драматической литературы. 27 декабря былъ поставленъ «Лишенный правъ» И. Н. Потапенко, давшій богато одаренному и опытному артисту И. И. Судьбинину въ высшей степени благодарный матеріалъ для сценической обработки. 1 января 1902 г. шла «Ирининская община» кн. А. И. Сумбатова, спасенная отъ провала тоже благодаря участію И. И. Судьбинина. Нѣсколько раньше — сверхъ ожиданія ровно и бойко былъ разыгранъ «Флакманъ» Эрнста. На-дняхъ идетъ даже «Докторъ Штокманъ». Въ бенефисъ очень полезной силы труппы О. Е. Каравановой съ среднимъ успѣхомъ была сыграна пьеса А. Плещеева «Въ своей роли».

Матеріальный выигрышъ нѣсколько не соответствуетъ непосильному труду, какой несутъ актеры, подготавливая двѣ-три новыя роли въ недѣлю, что еще болѣе чувствительно при малочисленности состава труппы.

Городской театръ для русскихъ спектаклей, только что отстроенный на Пушкинскомъ бульварѣ, ждетъ блестящая будущность. Городъ не скупится на обстановочную и декоративную часть, а стоящій во главѣ театральнаго дѣла новозбранный комитетъ обладаетъ въ лицѣ своихъ членовъ всѣми данными для такой постановки театральнаго предпріятія, которая дастъ при минимумѣ матеріальнаго риска максимумъ мыслимаго въ разноязычной провинціи успѣха. Общее желаніе русскихъ рижанъ — имѣть хотя-бы средняго достоинства оперу со своимъ постояннымъ оркестромъ, какъ можно надѣяться, будетъ осуществлено въ первомъ-же, наступающемъ съ осени, сезонѣ.

И. Высоскій.

БАКУ. Г. Красова привлекли къ отвѣтственности, за «самовольную» расклепку афишъ. За расклепку на столбахъ городского контрагента взимали 4 р. 50 к. въ день, что нельзя не признать чрезмѣрно дорогимъ. Тогда г. Красовъ навѣсилъ на домахъ свои витрины по примѣру г. Линтварева. Судъ оправдалъ г. Красова, и да послужитъ урокомъ для другихъ «контрагентовъ», не въ мѣру дерущихъ. Чрезъ воскресенье г. Красовъ устраивалъ утреники и разсылалъ 1/2 театра бесплатно по учебнымъ заведеніямъ.

Репертуаръ былъ слѣдующій: «Золотая Ева», «Бѣдность не пороку», «Кузнецъ передъ судомъ», «Заза (2 раза)», «Девятый валъ», «На жизненномъ пиру», «Блестящая карьера», «Madame q'és Danne» (2 р.), «Два подростка», «Бѣлый конь», «Три сестры» (2 р.), «Докторъ Штокманъ» (2 р.), «Въ старые годы», «Бѣдность не пороку», «Разбойники» (2 р.), «Кормилицы», «Женское любопытство», «Мужъ Шамбургской» (2 р.), «Ножъ мой женѣ» (2 р.), «Графъ де-Ризооръ» (2 р.), «Злоба дня», «Вѣчная любовь», «Нюбея», «Царь Ѳеодоръ» (4 р.), «Рабыни веселья» (3 р.), «Горе отъ ума», «Марія Стюартъ» (2 р.), «Двѣ сиротки», «Когда мы мертвые воскреснемъ», «Вольная пташка», «Романтики», «Степной богатырь», «Чужіе», «Воспитатель Флакманъ» (3 р.), «Полусвѣтъ», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ», «Судебная ошибка». «Ирин. Община», «Отъ судьбы не уйдешь» (бенефисъ Тройникова 2 р.), «Братья Карамазовы», «Сынъ лѣсовъ», «День изъ жизни покойника», «Сестра Тереза», «Гибель Содомъ», «Гамлетъ», «Адриана Лекуверъ» (б. Шателенъ), «Лови моментъ», «Уриель Акоста» (2 р.), «Чайка» (2 р.), «Маскарадъ» (б. Красова 2 р.), «Елена Саибъ», «Бой бабочекъ», «Превосходительный тесть», «Правительница Софья» (б. Чекаловой), «Женитьба Бѣлугина», «Багдадская принцесса», «Меблированныя комнаты Королева», «Общество поощренія скуки» (б. Лепетичъ), «Смерть Грознаго», «Трильби», «Новый міръ». Условія аренды — 8000 р. безъ буфета и вѣшалки — очень тяжелыя.

АРХАНГЕЛЬСКЪ. Открытіе сезона драматической труппы В. А. Краморова состоялось 14 октября драмой Зудермана «Родина». Игра г-жъ Мондшейнъ, Малаксіоновой и гг. Залѣсова и Валуа (главныхъ силъ труппы) оставило впечатлѣніе. Составъ труппы слѣдующій: М. Э. Мондшейнъ — героиня; А. И. Малаксіоновъ — драмат. и комич. энженю; А. С. Селиванова — драмат. старуха; Е. В. Ростовцева — комич. старуха; Л. П. Карташева — водеvilная съ пѣньемъ; В. З. Старковская — вторая энженю и А. А. Озаровская — на выходныя роли; М. Е. Залѣсовъ — герой любовникъ; С. В. Валуа — драмат. резонеръ; Б. С. Вечесловъ — комикъ; Н. Л. Колинъ — второй резонеръ; М. С. Самурскій — любовникъ; В. Ѳ. Волжинъ — простакъ; Н. В. Яковлевъ — Чумахъ — декораторъ; С. А. Чернышевъ — помощникъ режиссера — оба играютъ нѣкоторыя роли. Въ нѣкоторыхъ спектакляхъ участвуетъ и антрепренеръ В. А. Краморовъ. Главный режиссеръ — Б. С. Вечесловъ; суфлеръ — А. Н. Всеволодскій.

По вторникамъ и пятницамъ обыкновенно ставятся новинки, по средамъ (удешевленные спектакли) большею частью ставятся пьесы Островскаго; по воскресеньямъ утромъ чере-

дуются спектакли удешевленные съ бесплатнымп—для учащихся. За время съ 14 октября по 19 декабря, исключительно, были поставлены слѣдующія пьесы: «Родина», «Цѣна жизни», «Безъ вины виноваты», «Мелкая сошка», «Защитникъ», «Въ старые годы», «Дикарка», «Аркаданы», «Джентльментъ», «Пережитое», «На всякаго мудреца», «Татьяна Рѣпина», «Надо развиться», «На рельсахъ», «Чужіе», «Какъ проживешь» (1-й бенефисъ М. Э. Мондшейнъ), «Шутники», «Воспитатель Флакманъ», «Послѣдняя воля», «Послѣдняя жертва», «Жизнь» (1-й бенефисъ М. Е. Залѣсова), «Лишній правъ», «Губернерь», «Золото» (1-й бенефисъ С. В. Валуа), «Борцы», «Бѣшенныя деньги», «Три сестры» (1-й бенефисъ Б. С. Вечеслова), «Ирининская община», «Два судьбы», «Одиночіе», «Несогрѣшимый», «Бой бабочекъ» (бенефисъ А. И. Малаксіоновой), «Въ неравной борьбѣ», «Докторъ Штокманъ», «Волки и овцы», «Въ своей роли» (бенефисъ дирижера оркестра Н. Г. Карташева), «Честь», «Вокругъ свѣта въ 80 дней», «Волшебная сказка».

Кромѣ названныхъ пьесъ шло много водевилей съ пѣніемъ и безъ пѣнія. Въ первыхъ достоинъ вниманія Л. П. Карташева, а въ послѣднихъ А. И. Малаксіонова и Б. С. Вечесловъ.

А—н.

НОВГОРОДЪ. Съ прошлаго 1901 г. нашъ театръ послѣ многолѣтняго контраста съ частнымъ лицомъ окончательно перешелъ въ собственность города, который (что вообще рѣдко бываетъ) привелъ его въ вполне приличный видъ; не большой, но чистый, свѣтлый, уютный, съ обыкновеню ложъ подъ малиновымъ бархатъ, съ паровымъ отопленіемъ и электрическимъ освѣщеніемъ онъ производитъ прекрасное впечатлѣніе. Отдавъ онъ въ аренду за 1000 рублей въ годъ. Съ арендаторомъ же буфета и въшалки распорядителъ товарищества получаетъ 1200 руб., что и окунаетъ ему съ прибылью театръ. Прѣжнія годы дѣло было совсѣмъ по другому: драматическія труппы были очень плохи, а потому и театръ у насъ не процвѣталъ, а въ полномъ смыслѣ «прозябалъ». Недовѣріе публики къ театру, усиливавшееся въ теченіи многихъ лѣтъ, еще и теперь такъ велико, что сборы не превышаютъ среднихъ, хотя въ городѣ (около 20 тысячъ жителей) нѣтъ рѣшительно никакихъ иныхъ развлеченій, кромѣ двухъ клубовъ, хронически пустующихъ. Развѣ пѣрѣдка заведетъ какая-нибудь странствующая труппа, или какой-нибудь пинаголотатель...

Средн артистокъ выдѣляется г-жа Потоцкая (!), артистка съ дарованіемъ и «костюмами изъ Парижа отъ Ворта», какъ иногда гласитъ афиша. Бенефисъ г-жи Потоцкой («Орлеанскія»), назначенный на 6 ноября и состоявшийся лишь 7 ноября, потому что желѣзная дорога завезла куда то выннанные изъ Петербурга для этого спектакля костюмы, далъ небывалый для Новгорода сборъ—около 600 руб. Бенефициантка получила цѣнный подарокъ. Кромѣ Потоцкой, можно назвать г-жу Запольскую, обладающую техникой, но мѣшаетъ громоздкая фигура. Г-жа Щербакова съ относительнымъ успѣхомъ можетъ выступать въ роляхъ крестьянскихъ дѣвушекъ. Г-жа Хвостова въ погонѣ за успѣхомъ райка часто утрируетъ (такъ, играя горничную въ «На лонѣ природы») и накрывая на столъ, она, прежде чѣмъ поставить тарелку на столъ, выразительно плюетъ (!) на нее). О г-жахъ Искрицкой, Яковлевой, Козлишиновой лучше умолчать. Изъ мужского персонала удовлетворительнымъ партнеромъ г-жи Потоцкой могъ бы быть г-нъ Воробей-Спранскій, если бы на «исправность исполненія» его можно было положиться...

Гг. Надлеръ, Моревъ, Черновъ—опытные актеры, причемъ г-ну Мореву можно посоветовать большаго знанія ролей.

ВОЛОГДА. Съ 1 октября у насъ открылся зимній сезонъ драматической труппы г-на Бориславскаго. За это время было даны 64 спектакля. Репертуаръ самый разнообразный «Идиотъ», «Безправная», «Омутъ» (2 р.), «Три сестры» (2 р.), «Quo vadis» (2 р.), «Владимір Дубровский», «Воспитатель Флакманъ», «Ирининская община», «Гроза», «Пережитое», «Царь Θεодоръ», «Измаилъ» (2 р.), «Вторженіе смерти», «Нина», «Господинъ отъ Максима», «Горе отъ ума», «Укрошеніе строптивой», «Губернерь», «Казнь» (послѣднія пять пьесъ при участіи М. М. Петипа), «Свѣтитъ да не грѣбеть», «Губернскіе слетанія», «Шахта Георгій», «Эома Гордѣевъ», «Петръ Великій», «Лишній правъ», «Преступница», «Генеральша Матрена», «Позолоченные люди», «М-ле Фифи», «Докторъ Штокманъ», «Два міра», «Малка Шварценкопфъ», «Генеральный прокуроръ города Парижа», «Въ лѣсахъ Индіи», «Бѣлый генералъ» и т. п.

Спектакли прошли болѣе или менѣе гладко. Обстановочные уже пьесы идутъ плохо, въ смыслѣ буфаторскомъ и декоративномъ, такъ какъ городъ на этотъ счетъ очень скупъ. Слѣдовало бы режиссеру немного болѣе обращать вниманіе при постановкѣ пьесъ на мелочи, такъ напр. если дѣйствіе происходитъ зимой, то чтобы не выходили въ декорѣ и т. д.

Г-жа Астахова (героиня) подкупаетъ горячностью исполненія и публика очень ее цѣнитъ. Въ бенефисъ свой она поставила «Орлеанскую дѣву». Г-жа Богуславская (ingénue), обладающая темпераментомъ и «волнующимъ настроеніемъ».

Г-жу Кремскую сначала публика принимала горячо, но затѣмъ успѣхъ пошелъ на убыль. Нехорошо также, что беретъ на себя роли ingénue какъ напримѣръ, въ «Чайкѣ», будучи высокаго роста и обладая грубоватымъ голосомъ. Г-жа Боярская (coquette), — «артистка на симпатичныя роли», какую бы кокетку ни играла,—на лицѣ ангельская улыбка. Г-жа Иволгина не безъ успѣха исполняетъ роли grande dame. Г-жа Юматова ведетъ свои роли всегда просто, г-жа Михайлова—начинающая и подающая надежды.

Въ мужскомъ персоналѣ чувствуется большой недостатокъ. Базисъ труппы нельзя считать удовлетворительнымъ. Такъ, г. Брянскому вредятъ ритмическія повышенія у пониженія голоса и фальшивый тонъ. Г. Томскій (любовникъ) обладаетъ слабымъ голосомъ. Впрочемъ, чуждъ рутинны, и очень недурно гримируется. Нѣкоторыя роли ему весьма удалось какъ Мышкинъ въ «Идиотѣ» и Царь Θεодоръ. Г. Пузинскій (на роли комическихъ старухъ) пользуется любовью публики. Г-нъ Стояновъ (резонеръ) обладаетъ способностью придавать живость своимъ ролямъ. Г-нъ Улановъ роли знаетъ «на зубокъ», хоть кой-гдѣ и паржируется, но играетъ ксеро. Г. Остапенко удаются роли пшотовъ. Г. Лызовъ весьма способный актеръ, на 2 роли, изъ него выробытается современемъ недоужинный актеръ. Г. Ронцинъ милый простакъ и хорошій куплетистъ, голосъ слабый.

М. К.

ВИТЕБСКЪ. Сезонъ протекаетъ благополучно. Первая половина сезона, заканчивающаяся рождественскими праздниками, прошла почти безъ дефицита—явленіе весьма рѣдкое въ лѣтописяхъ нашего городского театра. До половины ноября сборы были слабые. Съ началомъ бенефисовъ, лаваншихъ въ болыпинствѣ полные сборы дѣла значительно поправились и, главное, публика за это время пріучилась, пріохотилась къ театру. На бенефисныхъ спектакляхъ артистамъ подносились цѣнные подарки. Особеннымъ расположеніемъ, и вполне заслуженно, пользуются у публики г-жи Рамина-молодая—ingénue dramatique, обладающая музыкальнымъ голосомъ, и г-жа Орловская—опытная grande coquette; а также гг. П. А. Волховскій—комикъ-резонеръ, г. Олигинъ—фатъ (но едва-ли герой). Чернороскій—характерный и бытовые роли и г. Любинъ—комикъ—простакъ. Изъ новинокъ поставлены: «Лишній правъ» — Потаненко, «Хризантемы» — «Мимнъ», «Докторъ Штокманъ» (въ первый разъ на нашей сценѣ) и «Сказка» — Артура Шницлера въ русскомъ переводѣ г-жи С. Ратнеръ—мѣстной жительницы. Пьеса является интереснымъ вариантомъ на очень старую, но вѣчно новую тему: молодой драматургъ съ свободнымъ и широкимъ міросозерцаніемъ горячо остаивающій эмансипацію и полную равноправность женщинъ, никакъ не можетъ стать выше нѣкоторыхъ укоренившихся предрассудковъ и, не сумѣвъ простить любимому существу ея сомнительнаго прошлаго, разбиваетъ счастье двухъ любящихъ сердецъ. Пьеса отличается живымъ и остроумнымъ діалогомъ, но нѣсколько растянута и лишена движенія. Переводъ немного тяжелъ, слишкомъ дословенъ и потому въ немъ встрѣчаются обороты рѣчи, несвойственные духу русскаго языка. Спектакли на нашей сценѣ обставляются заботливо и весьма добросовѣстно. Театръ обогатился нѣсколькими полотнами, мастерски написанными опытнымъ декораторомъ Помещанцевымъ (онъ-же и актеръ на роли—благородныхъ и бытовыхъ стариковъ). Г-нъ П. А. Волховскій еще разъ доказалъ, какъ и въ свое время г-жа Даниловичъ, что, относясь честно и съ любовью къ театру, можно и въ Витебскѣ существовать съ приличной труппой при значительномъ мѣсячнымъ бюджетѣ.

С. Т.

СИМФЕРОПОЛЬ. Съ 9 ноября и по 20 декабря на сценѣ Городскаго клуба у насъ подвизалось товарищество русско-малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. А. Л. Суходольскаго, въ составъ котораго вошли: г-жи Дикова, Донская, Юльченко, Круглянская, Десятникова, Бѣляева-Глазуненко, Пастухова, Кузнецова, Крипицкая и гг. Суходольскій, Сабининъ, Глазуненко, Стадова, Любимовъ, Сагайдачный, Павловскій, Карпинскій и др. Режиссеръ Суходольскій, дирижеръ и хормейстеръ Пастуховъ.

Первымъ спектаклемъ шла драма Суходольскаго-же «Хмара», въ которой артисты выказали себя съ лучшей стороны; но имъ пришлось нѣкоторое время бороться съ равнодушіемъ публики, что отчасти и понятно, такъ какъ въ послѣднее время къ намъ заѣзжали малорусскія труппы въ очень жиденькомъ и неважномъ составѣ. Послѣ четвертаго спектакля сборы начали увеличиваться и достигли того, что не хватало билетовъ. Въ своемъ родѣ (говоря безъ преувеличенія) эта труппа—въ миниатюрѣ малорусскій художественный театръ.

На первомъ планѣ въ женскомъ персоналѣ стоитъ г-жа Дикова, еще молодая, но даровитая артистка, съ большою будущностью. Играетъ Дикова съ увлеченіемъ. То видишь ее дѣтски наивной, то задорно живой и шаловливой, то коварной и жестокой, то переносящей большія душевныя волненія. Г-жа Донская выступаетъ въ пѣвучихъ роляхъ и обладаетъ пріятнымъ и чистымъ сопрано. Хороша была въ роли панночки, дочери сотника (въ «Вѣѣ»). Г-жа Юльченко поправилась публикѣ своимъ мягкимъ сопрано и хорошимъ испол-

неніемъ роли дочери трактирщицы (въ «Краденое счастье») и въ другихъ. Она-же и авторъ (Здановская) драмы «Крадене счастья», свободной отъ рутинъ и шаблона малорусскихъ пьесъ. Стремленіе сельскихъ жителей къ веселой городской жизни и деморализующее вліяніе города на деревню характерно отмѣчено въ выведенныхъ въ драмѣ дѣйствующихъ лицахъ. Комическая старуха г-жа Круглякова, очень добросовѣстная артистка. Затѣмъ слѣдуетъ г-жа Десятинникова, Пастухова, Бѣльева-Глазуненко, Кузнецова и Криницкая артистки на вторыя роли, способныя и необходимыя въ труппѣ. Что же касается мужскаго персонала, то пальма первенства должна быть отдана г. Суходольскому. Неподражаемый Лейба, старикъ еврей (въ «Жыдывкѣ выхрестѣ») Его дарованіе обширно и разнообразно. Въ свой бенефисъ Суходольскій поставилъ собственную драму «Помета, або загублена доля», уступающей его же драмѣ «Хмара»; да и самъ онъ неваженъ въ роли молодого, страстного любовника: чувствовалось, что роль не его амплуа. Очень типичнымъ и разнообразнымъ по характеру ролей и амплуа во многихъ пьесахъ являлся и г. Сабининъ. Г. Стодола хорошій актеръ, хотя для нѣкоторыхъ ролей, благодаря своей крупной фигурѣ, не подходилъ. Недурнымъ комикомъ, хотя временами съ маленькимъ пересоломъ, является г. Глазуненко. Очень типиченъ въ роляхъ евреевъ г. Карпинскій. Упомянемъ еще о г. Павловскомъ и о исполнителѣ пѣвучихъ ролей г. Сагайдачномъ.

На кругъ товарищество выработало по 300 руб. Изъ Симферополя труппа поѣхала въ Мелитополь, Александровскъ, а съ Рождественскихъ праздниковъ и до Великаго поста про-

будетъ въ Харьковѣ. Весенній же сезонъ товарищество откроетъ въ нашемъ лѣтнемъ городскомъ театрѣ. Съ 14 декабря на нѣсколько гастрольныхъ спектаклей прибудетъ драматическая труппа г. Шильдкрета съ г. Орленевымъ.

Ө. Степановъ.

Репертуаръ Императорскихъ Спб. театровъ

съ 14-го по 20-е января 1902 года.

Александринскій театръ. 14-го января: «Огни Ивановой ночи», др.—15-го: «Лишенный правъ», пьеса. — 16-го: «Свѣтитъ, да не грѣетъ», др.—17-го: «Ирининская община», ком.—18-го: «Сонъ въ лѣтнюю ночь», ком.—20-го утромъ: «Снѣгурочка», весен. сказка (Пѣны мѣстамъ уменьшенныя).—Вечеромъ: «Лишенный правъ», пьеса.

Михайловскій театръ. 14-го января: «Миссъ Гоббсъ», ком.—15-го: «M-me Lili», com.—«La veine», com.—16-го: «Комета», эпизодъ.—17-го: «M-me Lili», com.—«La veine», com.—18-го: «Миссъ Гоббсъ», ком.—1-го: Bénéfice de m-r Andrieu. «M'amour», com.—20-го, утромъ: спектакль для учащейся молодежи: «Le menteur», com.—Вечеромъ: «M'amour», com.

Марининскій театръ. 14-го января: «Гугеноты», оп.—15-го: «Царская невѣста», оп.—16-го: «Пиковая дама», оп.—17-го: «Князь Игорь», оп.—18-го: «Карменъ» оп.—20-го, утромъ: «Жизнь за Царя», оп.—Вечеромъ: бенефисъ X. П. Югансона за LX-лѣтнюю службу: «Донъ-Кихотъ», бал.

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимовеева (Холмская).

О В ъ Я В Л Е Н І Я.

Г. ВЯТКА.

ВЯТСКІЙ ТЕАТРЪ

нужны гастролеръ, гастролерша, или малороссійская труппа.

Рюминъ

артистъ на характерныя роли (и режиссеръ) свободенъ съ 1-го Февраля. Моховая ул., д. № 3 кв. 36.

1—1

Въ редакціи журнала
ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО
продаются слѣдующія пьесы:

«Баба», др. въ 5 д. кн. Голицына (Муравлина) и Старцова, ц. 1 р. 50 к.
«Бездна», др. эт. въ 1 д. Б. И. Бентовина, ц. 75 к.
«Безправная», др. въ 5 д. Владиміровой, ц. 2 р.
«Биронъ», ист. ком. въ 5 д. Н. Борисова, ц. 1 р. 50 к.
«Бракъ», ком. въ 4 д. Ярцева, 1 р.
«Буреломъ», ком. въ 5 д. Федорова, ц. 2 р.—1 р.
«Великая тайна», ком. въ 1 д. Тиханова, ц. 50 к.
«Водоворотъ», др. въ 4 д. Авсѣенко, ц. 1 р. 50 к.
«Возчикъ Геншель», др. въ 4 д. Гауптмана, пер. В. Протопопова и Леонарда, ц. 1 р. 50 к.
«Волшебная сказка», пьеса въ 4 д. И. Потапенко, ц. 2 р.
«Влюбленная», въ 4 д. Марко Прага, ц. 1 р. 50 к.
«Въ борьбѣ съ рутиной» (Педагоги), ком. въ 3 д. пер. Гельмерсена, ц. 1 р. 50 к.
«Вѣра Иртеньева», к. въ 3 д. Лухмановой, ц. 1 р. 50 к.
«Въ деревнѣ», въ 4 д. К. Фоломѣева, ц. 1 р. 50 к.

«Глухая стѣна», др. въ 5 д. О. Шапиръ, ц. 1 р. 50 к.
«Графиня Скирелло», въ 3 д. пер. Гриневской, ц. 1 р. 50 к.
«Графъ ди-Спандола», ком. въ 3 д. Бен-товина, ц. 1 р. 50 к.
«Графъ де-Ризооръ», др. въ 5 д. Сарду, пер. Арбенина, ц. 1 р. 25 к.
«Девятый валъ», др. въ 4 д. Смирновой, ц. 2 р.
«Джентльмэнъ», ком. въ 4 д. кн. Сумбатова, ц. 1 р. 50 к.
«Джіаконда», др. въ 4 д. д'Аннунціо, ц. 1 р.
«Добродѣтельный Веніаминъ», въ 1 д. Корнелиевой, ц. 50 к.
«Доли», ком. въ 3 д. Христіернсона, пер. Саблина, ц. 1 р. 50 к.
«Донъ-Пьетро Карузо», др. въ 1 д. Р. Бракко, пер. Гриневской, ц. 50 к.
«Друзья», др. въ 3 д. Роветта, пер. Гриневской, ц. 1 р. 50 к.
«Дымъ отечества», ком. въ 4 д. Кожевникова, ц. 1 р. 50 к.
«Завѣщаніе», ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича, ц. 1 р. 50 к.
«Задача № 1371», шутка въ 1 д. Карпинской, ц. 60 к.
«Заза», пьеса въ 5 д. Пьера Бертонна и Шарля Симона, пер. Латернера, ц. 2 р.
«Закалъ», очерк. въ 4 д. кн. Сумбатова, ц. 2 р.
«За королеву», др. дюма въ 5 д. пер. Военскаго и Мердера, ц. 2 р.
«Замѣстительницы», ком. Бріе, пер. Гнѣдича, ц. 1 р.
«Зеленый какаду», въ 3 д. Шнитцлера, ц. 50 к.
«Злой духъ», ком. въ 3 д. В. Билибина, ц. 1 р. 50 к.
«Зимній вечеръ», въ 1 д. Яковлева, ц. 50 к.

«Золотая Ева», ком. въ 3 д. Шентанъ, ц. 1 р. 50 к.
«Живая тѣни», въ 4 д. Зеландъ-Дубельтъ, ц. 1 р. 50 к.
«Изумительныя превращенія», ком. въ 3 д. В. Билибина, ц. 1 р. 50 к.
«Исторія одного увлеченія», пьеса въ 4 д. Радзивиловича, ц. 1 р. 50 к.
«Казнь», др. въ 5 д. Г. Ге, ц. 1 р. 50 к.
«Катастрофа», др. въ 4 д. Будищева-Федорова, ц. 1 р. 50 к.
«Комета», эт. въ 4 д. Трахтенберга, ц. 2 р.
«Купальные огни», др. въ 3 д. Зудермана, пер. Гельмерсена, ц. 1 р.
«Лизистрата», пьеса въ 3 д. Латернера, ц. 1 р. 50 к.
«Лишенный правъ», пьеса въ 4 д. Постапенко, ц. 2 р.
«Максимъ Сумбуловъ», истор. др. въ 5 д. и 6 к. кн. Голицына, ц. 1 р. 50 к.
«Маріанна Ведель», ком. въ 5 д., ц. 2 р.
«Между дѣломъ», пр. въ 2 д. Роветта, ц. 1 р.
«Менестрель», др. сц. въ 1 д. Чюминой, ц. 60 к.
«Мими», ком. въ 5 д. Владиміровой, ц. 1 р. 50 к.
«Михаэль Крамеръ», др. Гауптмана, пер. Жданова, ц. 2 р.
«Спутн. арт.», ц. 1 р.
«Веселые вечера», ц. 1 р.
«12 пьесъ» В. Билибина, ц. 1 р. 25 к.
«Въ своей роли», Плещеева, к. 4 д., ц. 1 р.
«Фарсы Крюковского», ц. 1 т. 3 р.
П т. 2 р.
«Для театра», Шевлякова, ц. 2 р.
«Вопросы выразительн. чтенія», Озаровскаго, 1 кн.—1 р., 2 кн.—1 р. 30 к.
«Наше драматическое образованіе», Озаровскаго, ц. 1 р.

ВОРОНЕЖСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА

объявляетъ, что въ наступающемъ 1902 г. ею сдаются въ аренду на 3-хъ лѣтній срокъ зимній и лѣтній театры. Подробныя условія аренды этихъ театровъ высылаются Управою по требованію. Лица, желающія снять тотъ или другой театръ, подаютъ письменныя заявленія съ назначеніемъ арендной цѣны за каждый театръ отдѣльно; при заявленіяхъ долженъ быть представленъ залогъ въ размѣрѣ не менѣе 500 руб. Пріемъ заявленій будетъ продолжаться до 10-го февраля включительно. № 4446. 3—1

№ 4469 1—2.

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальцъ-экстрактъ и леденцы фабрики

„ДЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5, существуетъ съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ. Остерегаться поддѣлокъ.

№ 4420. 10—10.

ТРИКОТАЖНО - ЧУ

Поставщицы Императорскихъ

ЛОЧНАЯ ФАБРИКА

С.-Петербургскихъ Театровъ.

№ 4402.

Л. ДОВОРОЛЬСКОЙ.

С.-Петербургъ, уг. Можайской ул. и Мало-Царскосельскаго прооп., д. № 40—4.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ТРИКО.

Театръ „ФАРСЪ“.

ЗДАНИЕ ПАССАЖА, Невскій, 48. В. Итальянская, 19. (Главный подъездъ съ Б. Итальянской ул.). Телефонъ № 2779.

Дирекція: В. А. Казанскій.

ЕЖЕДНЕВНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ

Въ Воскресенье 13 Января

„Новое Обзорѣніе Петербурга“ 1901—1902 г.

Юмористическое представленіе въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, муз. Невагнера и Негуно. Новыя декораціи: 1) Апоѳеозъ „Двухсотлѣтіе Петербурга“, работы извѣстнаго художника г. Гобе; 2) „Невскій проспектъ“, работы художника г. Яковлева. Дѣйствіе 1-е, картина 1-я—„Закулисныя тайны“. Дѣйствіе 1-е, картина 2-я—„Въ ресторанѣ“. Дѣйствіе 2-е, картина 3-я—„На Невскомъ“. Дѣйствіе 2-е, картина 4-я—„Апоѳеозъ Петру Великому“ (по случаю предстоящаго 200-лѣтія основанія Петербурга). Дѣйствіе 3-е, картина 5-я—„Подъ флагомъ благотворительности“.

Въ понедѣльникъ бенефисъ КАМЕНСКАГО:
„Въ чаду увлеченія“.

Начало спектаклей въ 8 ч. вечера.

Билеты на всѣ объявленныя по репертуару спектакли можно получать ежедневно въ кассѣ театра съ 10 ч. утра.

Билеты, заказанные по телефону, сохраняются до 7½ ч. веч., послѣ чего поступаютъ въ общую продажу.

Главный администраторъ А. И. Ивановъ.

Вышла изъ печати новая пьеса

„ХЛѢБА и ЗРѢЛИЩЪ“

перед. изъ ром. А. К. Шеллера-Михайлова, г. Соболевичевымъ-Самариннымъ. Изд. жур. „Театра и Искусства“. Ц. 2 р.

Готовится къ печати новая пьеса

„Храмъ Мельпомены“.

Рафаловича.

КАРАМЕЛЬ

изъ травъ отъ кашля

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЬ, С.-Петербургъ, Гороховая 33. Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

4419 13—6

Имѣется во всѣхъ лучшихъ ресторанахъ и виноторговляхъ.